

А
К
С
И
М
Ю
Л

А. Ж. КСИЛОЛ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24503539

ISBN 9785448535895

Аннотация

Думаю, все люди знают, какой представляется их душа, все совладают с ней и думают о ней, не выставляя ее напоказ в оголенном виде. Но есть и другие люди. Они не знают и даже не хотят знать о ее существовании. А она взывает к ним, делая их безумцами. Они же, в свою очередь, видят только чужие души. Об одном из таких людей и пойдет этот рассказ. Только этот герой слишком чувствительный с некоторыми людьми. До крайности чувствительный.

Содержание

Пролог	5
Часть первая	9
Часть вторая	46
Конец ознакомительного фрагмента.	88

КСИЛОЛ

А. Ж.

*Хочу выразить отдельную благодарность Ольге
Феликсовне и моей лучшей подруге – Ане Кобелевой.
Спасибо вам!*

Корректор Ольга Дубровская

© А. Ж., 2017

ISBN 978-5-4485-3589-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Настал еще один мучительный день в месте, которое сдавливает мне мозги. Кажется, одиночество длится уже вечность, если не больше. Мне нужны люди. Нужно их увидеть, узнать и насладиться их душами. Это мой личный наркотик, вредный только для меня. Я независимый, но зависим от людей. Звучит как абсурд, но это правда. Без них я умираю. Точнее, я уже умер психически и просто жду физической смерти.

Сегодня в особенности плохо. Я не чувствую себя. Даже эти мысли кажутся мне чуждыми, однако сегодня я хоть могу думать. Это странно, кстати, потому что считал, что электрический ток выбьет мне все мозги. Но так не случилось, просто сегодня какое-то особое состояние: я могу думать как-ким-то далеким отделом мозга, а вот с телом совсем беда. Оно стало мешком, набитым еле функционирующими органами. Оно неподвижно распласталось на полу и смотрит на омерзительно белый потолок.

Я не могу пошевелиться. Просто не могу – вот и все. И это ужасно неприятно, ведь мои кости ломаются из-за недостатка витаминов, а мои органы отживают свои последние минуты.

Вот и настало то самое время, о котором я тихо напевал себе во снах. Не могу сказать, что я рад или расстроен, пото-

му что я не испытываю никаких чувств. Мне как-то все равно, но почему-то я уверен, что, если бы меня не накачивали всевозможными таблетками, я бы относился к этому по-другому. Я бы не захотел умирать, это я знаю. Я с чистой совестью умер бы после того, как посетил бы одно место. Да, это не то место, которое люди хотят посетить перед смертью, а то, что они никогда не захотят посетить за всю свою жизнь, но я далек от общества. Я одиночка. Я вне общества. И только посмотрите, где я нахожусь на исходе своих лет! В месте, убивающем личность.

Я был не похож на других, а теперь я никто и никогда не стану прежним. И за что мне это? Я никогда не хвалился своим странным увлечением, я никому не причинил вреда, я никогда никому не мешал, я был незаметен в обществе, я не был его составной частью, а меня за это ограничили в свободе и медленно уничтожают.

Люди не признали меня, не поняли, а я их понял. Я понял всех людей, кроме тех, кто находится здесь. Это слишком сильный для меня наркотик. Хорошо, что я изолирован от них, но продолжаю чувствовать на себе их влияние. Стены пропитаны психикой этих людей, а я заперт в них. Я чувствую запах этих людей, и он медленно сводит меня с ума. А если бы я их еще и видел, как это было когда-то, то у меня никогда уже не было бы этих мыслей. Я их помню, но не вспоминаю, впрочем, как и все свои мысли.

Я слишком долго нахожусь наедине с собой. Это опасно

для меня. Надо думать, а это для меня большая тема. Я не обсуждаю сам с собой свое будущее, прошлое и настоящее. Я не живу своей жизнью, я живу за счет других людей. Я привык думать о том, что происходит в данный момент, но если обстановка не меняется месяцами, это невыносимо терпеть.

Я умираю медленно, мучительно. Меня еще можно спасти, но я никого не интересую. Я умру, и многим людям, а точнее правительству, это будет на пользу. Такой, как я не нужен государству, но я и не приношу ему вред. Просто тот, кто хоть как-то выбивается из общества, не нужен стране, потому что за таким нужен отдельный уход, отдельные законы, правила и отдельное место. Таких проще собрать в кучу и просто обобщить! Так поступили и со мной.

Конечно, есть причина, по которой я здесь, но эту причину просто придумали, и я к ней никак не отношусь. Просто, так проще стране, и это можно понять.

Но я все равно умираю. Мои мысли уже сбиваются и идут не в ту сторону. Я чувствую, как медленно отключаюсь, как мое сознание впадает в иное пространство и как медленно течет вокруг время. Кажется, оно почти остановилось вместе со мной, будто я и время живем все постоянно вместе, подстраиваясь друг под друга. Похоже, что у каждого человека свое отдельное время, и как меняется человек, так меняется и время. Я умираю – умирает и время.

Но, конечно, это все предсмертный бред. В голову залетает множество необдуманых мыслей, но все они обрываются

и никогда не поддадутся обдумыванию, потому что таково мое состояние...

Интересно, а как же это предсмертное желание? Да ладно, шучу. Его все равно никто не воспримет. А так, я бы хотел рядом со мной человека. Простого человека. Мне нужны люди... Люди...

Часть первая

– Добро пожаловать.

Эти слова, которые прозвучали то ли от меня, то ли от кого-то другого оживили меня. Я будто вновь зажил, зажил ни с чем. Я не знаю что произошло, не знаю, где я, кто я и почему я здесь. Я не пытаюсь все вспомнить, ибо чувствую, что не знаю... или не помню. Я опустошен, но я живу.

Мое тело обмякло и валяется на твердой поверхности, а мозг работает прекрасно и даже, можно сказать, без помех. Нет боли, и это меня радует. Я пока что точно не осознаю где я, потому что даже не пытаюсь, но мне слышится какой-то голос. Я пока не могу его разобрать, он как будто вдалеке и приглушен. Я чувствую, что мне пора бы открыть глаза и встать на ноги, но я до того не хочу этого делать, что любая мысль об этом меня напрягает.

Я хочу спать, и это желание невыносимо. Я будто не спал месяц, а то и год. Ужасная сонливость уже была у меня или это здесь такое место? Черт, я не знаю! Мне надо заснуть. Мои глаза болят, а боль в висках начала нарастать из ничего. Это ужасно, и я готов сейчас отключиться, но есть одно «но». Я не могу. Мне мешает этот голос, который засел у меня в голове. Я не могу его понять. Он звучит, словно под водой, у меня в голове и каждый раз все громче и громче. Это изнуряет и терзает меня.

Вскоре он начинает заполнять все мое сознание, и крик переходит в визг, а потом в одну верхнюю ноту. Голос переходит границу моего понимания, и я невольно кричу изнывающим голосом. Мое сознание сразу же меняется. Я отрываю глаза и понимаю происходящее. Я благодарен этому невольному порыву.

Этот голос перестают нагнетать, но не перестает звучать. Я слышу, как кто-то вызывающе говорит. Я пока не хочу вдаваться в подробности этих слов, но скажу одно: они направлены в мою сторону. Но не обо мне идет речь. Голос грубый, мужской и не одной тональности. Он то повышается, то падает на каких-то словах. В особенности страдает слово «я» во всех падежах, которое всегда на наивысшей ноте, и в особенности востребовано в его речи. Кажется, именно этот голос звучал у меня в голове, но теперь он меняется, становится живым и четким.

Я пытаюсь осмотреться. Чувство усталости и бессонницы немного утихает, но все равно давит на меня, и в особенности на мозг. Височную долю разрывает на части, но я стараюсь не обращать на это внимания. Что ж, заснуть мне не удастся при всем желании, а значит, пора действовать.

Я смотрю вперед, и возникает такое чувство, что я смотрю на солнце. Но за короткий промежуток времени я уже точно понимаю, что нахожусь в какой-то комнате, и что это самое солнце является потолком, но настолько ярким потолком, что может выжечь мне глаза. Он не белоснежный, он именно

светился ярким белым светом. Я уже начинаю думать, что я в раю. Я умер? Интересно, от чего? Интересно, кто я? Странно, что я не могу вспомнить прошлое. Вот не могу – и все. А разве я пытаюсь?... Я уже ни в чем не уверен. Так, хватит обо мне. Мне сейчас нужно ориентироваться в пространстве и ответить на вопрос «Где я?». С невероятным потолком я, в принципе, разобрался. Теперь дело за стенами, но сначала мне бы желательно встать, а вообще, лучше всего, чтобы меня кто-нибудь поднял и так держал, потому что я не в силах пошевелить даже пальцем. Я устал неизвестно из-за чего. Мне хочется позвать на помощь, но что-то мне подсказывает, что никто мне не поможет, а со стороны это будет выглядеть довольно жалко: распластался на полу и зовет на помощь. Да даже тот голос мне не поможет. Я уже представляю, как я выгляжу, и мне самому становится противно от себя.

Я не выдерживаю, переворачиваюсь на живот и пытаюсь опереться на руки. Они предательски дрожат. Это немного подкашивает мою уверенность, но я продолжаю пытаться. Я начинаю чувствовать себя какой-то беспомощной амебой, и это чувство мне отвратительно. Я должен встать, пересилив себя, и я пытаюсь это сделать. Честно, пытаюсь. Мое тело устало, но после долгого времени, что тянулось так долго, я все же встаю на ноги. Это далось мне с огромным трудом. Ноги еле держат меня. Кажется, что вот-вот я упаду и уже не смогу встать. Поэтому я не даю себе расслабиться ни на секунду.

Я оглядываюсь. Как я сначала заметил, я нахожусь в комнате, и она внушительных размеров, с высоким, ярким потолком. Кажется, ей нет конца. Все здесь заставлено чем-то громоздким и до того разным, что я теряюсь в этом разнообразии. Могу сразу сказать, что все предметы здесь очень красивые, величественные, продуманные до деталей, значимые и громадные. В этом великолепии вещей, которым нет предела, я понимаю, что все это чуждо мне, недостижимо, будто создано для кого-то другого.

Я оборачиваюсь и смотрю вперед, туда, откуда доносится громкий и высокомерный голос. Я увидел там мужчину средних лет, который выглядел довольно ухоженно и почтительно. Как только я взглянул на него, он сразу стал говорить оживленнее и с явной долей злости в голосе. Я вижу его не полностью, потому что он сидит за высочайшим столом. Казалось, он выглядит, как какой-то судья, и это мне не совсем нравится. Не смотря на то, что он находится намного выше меня, голос его я слышу очень хорошо, даже более чем.

– Как ты посмел здесь быть? Никто не достоин находиться здесь. Здесь моя территория. Здесь все принадлежит мне!

Его голос звучит так величественно, что я даже начинаю бояться находиться рядом с ним. И все же, я все время смотрю на него. Он же на меня только косо поглядывает. Причем, каждый раз, как наши глаза встречаются, он гордо поднимает голову и смотрит куда-то выше меня, словно он брезгает вступать со мной в контакт. Он не боится посмотреть мне

прямо в глаза и удерживать этот взгляд, он боится, что мы будем равны между собой. Но он все равно мельком поглядывает на меня, словно чтобы убедиться слушаю я его или нет. Я, конечно же, слушаю, хоть его голос и очень давит мне на голову. Вообще, я им очень даже заинтересовался, но если бы в комнате находился еще кто-нибудь, то я бы не предпочел этого высокомерного типа. Но пока он самая живая персона здесь.

– Где я? – сказал я, но на удивление мой голос прозвучал так тихо, что я сам еле расслышал его, однако я чувствовал, что крикнул, а не шепнул. Возможно, конечно, что это все из-за моей ужасной усталости, но я же точно прокричал. Кажется, я где-то сорвал свой голос.

– Что? Что ты там говоришь? – отвечает мне этот мужчина, – Твоя речь не доходит до моего слуха. Я слышу только лишь жалкий писк. Прыгни выше головы, пересиль свой голос так же, как это сделал я. Хотя нет. Не трудись, ты не сможешь это сделать, тебе не под силу такое. Жалкие люди, которые недостойны ничего в этом мире, никогда не смогут кричать. Крик – удел высших. Например, таких, как я, а я единственный на свете, а значит, только я могу кричать и никто больше. Ты можешь пытаться сколько хочешь, но знай, что здесь ты бессилен. Ты никто.

Он открыто унижает меня, а что я? Я бессилен, я трачу все свои силы на то, чтобы понять его слова и удержаться на ногах. Это трудно и, кажется, моему организму не под си-

ду такое. Я падаю. Я почти упал, если бы не удержался на руках. Мои руки дрожат, и я вижу это. Я на коленях пред ним, но это не его заслуга. Мне стыдно за себя. Я чувствую, что его слова – это правда, однако звучат они лицемерно и противно.

Я смотрю на пол. Этот пол такой же величественный, как и все остальное здесь. Он идеален, он манит к себе. Я хочу дотронуться до такой гладкой и чистой поверхности. Фактически, я уже это делаю, но все же мне хочется провести по нему рукой, ощутить его. Я небрежно провожу рукой, но я словно вовсе не чувствую его. Я провожу еще раз, но уже более грубо и глядя на это. Увиденное под собой меня слегка настораживает.

Как только я дотрагиваюсь до поверхности, то она, словно ртуть, ускользает из под моей руки. Она расплзается, исчезает, пропадает и рассыпается, а на ее месте остается дряхло деревянное покрытие. Это странно. Она вроде бы есть, но словно она иллюзия, словно ее нет изначально, но разве такое возможно? Это невероятно и необъяснимо. Но почему не существует этого покрытия именно тогда, когда я к нему прикасаюсь? Что здесь не так. А не так здесь абсолютно все, а значит... я не в реальном мире? В это как-то сложно поверить. Кажется, я сошел с ума. Или это и есть реальный мир? Я ничего не помню, и как я могу себя уверять, что это все не реальность? Это же просто ощущение, что все так, как должно быть. Это ощущение, а не знание, но это довольно

сильное ощущение, словно кто-то настойчиво пытается убедить меня в чем-то, и этот кто-то я. Поддаюсь ли я внушению? Нет. Поддаюсь ли я самовнушению? Да. Это необратимый процесс.

– Встань! – раздался крик, – Ты не имеешь права трогать мой пол. Он не для тебя. Все здесь не для тебя, а для меня! Можешь радоваться, что я разрешаю хотя бы смотреть на все, однако я не потерплю на себе твоего гнусного и никчемного взгляда. Не смей долго и пристально смотреть на меня. У тебя нет на это права!

И сразу после его слов из памяти всплыло воспоминание, а точнее, какое-то качество общества, будто он мне его напомнил.

Нет прав? А у кого они есть? Что вообще собой представляет право? Как его заполучить и лишиться? Вроде бы, все уверенно говорят о правах человека, но многие даже не задумывались над этим вопросом, а уже сразу делают какие-то выводы и указания. Такие люди бесчестны. А как насчет морального права? В этом случае все люди недалеки в своем понимании. Моральное право в основном строится на Библии, а это бесчестно по отношению к другим людям. Мораль у каждого своя, ее невозможно оформить в закон. Я убеждаю себя, что люди умны, что они не идиоты, и жду того момента, когда мое убеждение станет правдой, но этого почему-то не происходит. Люди глупы, но я начал тему не об этом. Люди создали законы, люди создали моральные

законы, но никто даже не задумывался над исключительными случаями. Почему бы не объединить мораль и конституцию? Человек убил человека, и никто даже не будет задумываться, как до убийства жертва поступала с убийцей. Возможно, жертвой изначально был убийца, и обстоятельства его вынудили это сделать. Никто не будет над этим задумываться, потому что слова и действия не объединены. А почему? Да потому, что люди глупы, они не разбираются в словах. Только единицы понимают их, остальные их только слышат. Психическую травму можно не заметить, но физическую травму видят все, и поэтому она в приоритете. Это вечная проблема общества. Так что же такое «право человека»? Когда это слышишь, сразу приходят на ум все запреты, как уголовные, так и моральные. Право – это разрешение, дозволение и позволение. Вроде бы, все в порядке с этим словом, но на самом деле им прикрывают совершенно другое, а именно, всевозможные запреты. Это словосочетание создано, чтобы давать понятия о том, что можно, а что нельзя, что хорошо, а что плохо, что почтительно, а что оскорбительно. Но почему же тогда прав становится все меньше, а запретов все больше? Почему бы «право человека» не переименовать в «запрет человека»? Да потому, что обществу важнее показать дозволения, чем запреты. Знайте, это всего лишь прикрытие. Ох, эти моральные запреты... Кто-нибудь знает духовную конституцию? Она есть в нашем обществе. Это Библия. Совершил преступление – отсидел срок, совершил

грех – помолись. Понимаете ли, что-то обязательно, а что-то нет, но вот не каждый об этом догадывается. Можно избавиться от духовной конституции, но не избавиться от морали. Вообще, Библия присвоила себе мораль, и поэтому всех безбожников называют аморальными. Разве это справедливо? Конечно же нет, но против большинства другие люди не в приоритете.

А что насчет его слов? Он сказал, что я не имею права смотреть на него долго и пристально. Он отнял у меня право? Нет, это просто высокомерие. Это даже не бесчестно, это глупо и смешно.

Я понимаю, что мне надо собраться с силами и разобраться во всем, иначе я сойду с ума.

– Где я?... – попытался крикнуть я, но опять получилось как-то тихо и блекло, по сравнению с его голосом, но я отчетливо ощущаю, что я кричу, однако мой голос затихает здесь.

– О, нет, нет, – сразу прервал он меня, – Никаких вопросов в мою сторону. Ты не достоин моего внимания.

Не достоин внимания? Но он же уже уделяет мне внимание. Он противоречит сам себе, и тем более он услышал меня. Что не так с этим человеком?

– Встань! – продолжал он – Нет! Оставайся на коленях предо мной! Ты так низок в моем мире! В высшем мире! Тут все принадлежит мне, и ничто – тебе. Твои права здесь ограничены до нуля, а мои превозносятся к небу. Ты тот человек, которого надо убить. Знаешь, некоторые люди не достойны

жить, потому что они просто ничто в мире. Они потребляют это же, что и создают, не принося ничего нового. Они тратят ограниченные ресурсы Земли просто так. Без них мир бы никак не изменился, потому что такие люди не способны ни на что. Они засоряют планету. Представь, если бы истребили бы всех ненужных людей, а это почти четверть нашей планеты, что было бы тогда? Людей стало бы меньше, но это не минус. Планета бы процветала, и люди могли бы жить на ней намного дольше. Зачем большое количество людей? Что бы оно просто потребляло ресурсы? Такие люди не нужны здравомыслящему обществу, но, увы, у нас нет такого общества. Но к счастью, в моем мире я отвечаю за все общество, и именно ты один из таких людей. Ты не достоин жить.

Он издевается надо мной? Мне не страшно от его слов, мне скорее смешно и я смеюсь в этот момент. Мой смех, на удивление, разносится по всему пространству, и я чувствую себя прекрасно. За все пребывание здесь мой голос наконец-то прозвучал гордо, а не жалко. Я громко смеялся, однако, ощущал, что лишь смеюсь себе под нос. В этом мире..., в его мире, что-то не так со звуком. Говоришь тихо – получается громко, а если кричишь, получается, что шепчешь. Как же тогда он говорит на самом деле, если получается, что он вопит? Мне кажется, он вообще не говорит, он лишь шевелит губами под стать словам. И я считаю, что изначальное произношение слов является реальным, а то, что я слышу, это лишь обратная иллюзия изначального. Как же подстро-

иться под это? Что является наилучшим? Тихий крик или громкий шепот? Я пока не могу в этом разобраться, но я обещаю себе, что я все выясню и разберусь с этой неурядицей. Я считаю, что здесь все намного проще, чем кажется, но меня все же кое-что смущает, а именно эти слова: «Ты не достоин жить». Почему мне смешно от этих слов? Может потому, что это чистый абсурд? Каждый имеет право жить, однако в его словах есть доля истины. В принципе, я с ними согласен, но они не должны относиться ко мне. Я чувствую, что я не мусор мира, но у меня нет оснований так полагать. Я все больше становлюсь не уверенным в том, что мне надо доверять своим ощущениям. Но он тоже слеп. По крайней мере, я так считаю. Я, правда, считаю, что он ничего обо мне знает, как и я сам. Между нами знания друг о друге равны, но он почему-то делает выводы обо мне, а я о нем нет. Ну как нет? Я считаю, что он зазнался, но я не считаю, что он не достоин жить.

А я все продолжаю смеяться, но с каждым разом все более не уверенно. Я вижу, как его лицо меняется не в лучшую сторону. Оно становится грубее, а его тело становится больше. Не знаю, как такое возможно, но он вырастает, словно в нем нет костей. Я затих от испуга. Он возвысился надо мной, словно подчинил меня. Его лицо находилось в нескольких сантиметрах от меня. Его тяжелое дыхание стало ветром для меня. Я весь мог бы уместиться в одной его руке, и он мог бы меня сжать до смерти, и это меня настора-

живает. Я понял, что сделал непоправимую ошибку: я гордо смеялся. Это было для него, как плевок в лицо, как унижение личности. Гордый смех породил неприязнь. То, что я хотел произнести сдержанно и незаметно, прозвучало слишком громко и высокомерно. Я не сразил его же оружием, а наоборот, создал ситуацию намного хуже. Я понимаю, что мне надо объяснить перед ним, но совершенно не хочу этого. А он давит на меня, словно насильно выжимает из меня слова. Вообще, не хочется такому человеку, если его можно так назвать, хоть что-то говорить, но я не могу воспротивиться ему. Не знаю, кто он или что оно, но, опять же, меня не покидает чувство, что он отлично владеет психологическим насилием. Не понимаю, как ему удастся так воздействовать на меня, потому что он не тот человек, с которым приятно общаться. Он преподнес себя как надменного человека, который на все смотрит свысока и делает вид, что не слышит мои слова. Он таких личностей тошнит, но я все же пересилил себя и начал говорить, предварительно выбрав тихий крик:

– Ты горд, но твоя гордость фальшива! Посмотри на вещи вокруг! Их нет! То, что я не могу не до чего дотронуться, неспроста, и ты знаешь тому причину. Твой мир жалок и ничтожен! Все это величие ущербно! А твои намерения смешны!

И только после минуты еще более пристального взгляда я понял, что вновь совершил ошибку. Я не должен был такого

говорить, но это были мои чистые мысли, которые я не намеренно изложил в словах. Я хотел извиниться, но мои извинения были бы не искренними, поддельными и вынужденными, ибо я бы ни за что не попросил бы извинения за копирующее поведение, если бы не его упорный взгляд.

– Ты лишь какая-то пылинка, в то время как я – весь мир! Знай свое место, ничтожество! Да ты посмотри на себя! Одна кожа да кости, еле стоишь на ногах, не умеешь здраво мыслить, а все твои слова абсурд! Ты – нищий! Ты – мерзость! Ты – пакость! Ты говоришь, как мелкий скот! Тебе лишь подавай всю правду, а сам же врешь на каждом слове! Ты мелочен, ты горд, ты безразличен! Я буду сыт, когда сотру тебя, а сейчас я голоден! Ты не достоин жить! Посмотри вокруг – никого. Почему? Потому что никто не достоин находиться в моем мире! Это полностью мое пространство, мое окружение, мой воздух, мои мысли, мои законы, мои правила, мои убеждения, мои запреты, мои определения, моя пустота, мой обман, моя правда, мои распоряжения, мои прихоти, мои слова, мое время, мое безумие, мое учение и мое самовластие! Все мое!

Он залился истерическим смехом. Его тщеславию нет предела. Он не останавливается, в то время как я падаю. Он возвышается все больше и больше, в то время как я становлюсь все меньше и меньше. Я чувствую правду в его словах, я верю ему, я падаю под него. Он же прав. Я ничтожен, я низок, я мусор, я лишний, я никто, я – как полная противо-

положность его. О, посмотрите на меня! Я валяюсь на полу и даже не могу пошевелиться от бессилия. Я пал не только физически, но еще и духовно. Он сломил меня своим видом, своими словами и скоро убьет своими действиями.

– Значит, это конец? – произнес я тихо, но прозвучало громко.

Я сам не ожидал, что скажу это, но эта мысль сама вырвалась из меня. Я не могу понять себя, я не могу понять его, я не могу понять все окружающее меня, я не могу понять... и причин тому много.

– Я убью тебя, и да, можешь назвать это концом. А чем тебе не приятна смерть? Для такого ничтожества как ты это наилучший исход, просто я не буду подстраиваться под твое удобство, а лучше буду следовать своим предпочтениям, удовлетворяющим мою личность. Я не собираюсь тебя даже мучить, потому что ты не заслуживаешь столь огромного внимания с моей стороны. Я тебя просто раздавлю, как букашку и все. Секунда неудобств, и ты больше ничего не чувствуешь, тебя нет. Это же так просто и легко. Твой мозг просто с легкостью отключится, и вот ты уже ничто и звать тебя никак. По сути, у людей нет души. Работу мозга мы воспринимаем за душу, а это грубейшая ошибка. Кто бы ты ни был и как бы тебя не звали, твой мозг отключу я...

– Я первый кого ты здесь убьешь? – озадачил меня этот вопрос.

– Тут я распоряжаюсь твоими словами! Не смей без мое-

го разрешения хоть что-то произносить и тем более спрашивать! Мои вопросы! Я их устанавливаю! Ты жалкий, и поэтому ты должен только слушать и вникать в мои слова, да еще благодарить меня! Всегда и везде благодари меня искренне и громко! Есть много причин меня благодарить! Говори же! Благодарю меня! Благодарю!

Я не знаю, что мне делать. Нет. Не так. До этого момента я не знал, что мне делать, а теперь он будто внес свои слова мне в мозг, и я принимаю их как должное.

– Благодарю Вас! – я произнес это довольно почтительно и громко, потому что я шептал.

– Так-то! – командно распорядился он.

С самого начала он не был грозным, он скорее стал более высокомерным и значительным. Он стал больше в прямом смысле как, и его гордыня. Для меня он стал более неприятной особой, но я не могу ему противиться. Он подчинил меня, но я чувствую, что где-то внутри я еще не сломлен, я борюсь против него, сокрушаю мыслями и не подчиняюсь, но разве когда-нибудь это вновь выйдет наружу? Маловероятно. Совсем недавно я ему противоречил, но смотрите, чем это закончилось. Это малоприятное зрелище. Это была моя смелая ошибка, за которую, на удивление, мне даже не стыдно. Я словно горжусь своими словами, но, все же, никогда не осмелюсь сказать свое честное мнение. Не буду скрывать, он поколебал мой дух, но на этом еще все не сошлось.

– Не ты первый, не ты последний, – продолжил он, но да-

же на сантиметр не отделился от меня после моих слов, и даже в лице никак не изменился, и это меня довольно-таки напрягло. – Таких, как ты, тут было тысячи или даже больше. Это так выводит из себя, когда какой-то жалкий человек вторгается ко мне и еще упрекает меня в чем-то. Но есть одно но! Я выигрываю поначалу, а остальные сведения тебя не должны волновать. Никаких больше объяснений!

Что-то здесь не так. Он что-то не договаривает, а что-то вообще скрывает от меня. Но он так тонко это делает, что любой бы невнимательный человек ничего бы не заподозрил, но не я. Я обращаю внимание на каждое слово лишь потому, что это место и этот человек слишком странные и непредсказуемые. Он упустил несколько моментов. Во-первых, почему он даже слова не сказал, что убил людей, которые сюда попали когда-то? Во-вторых, что с ними произошло и почему они все похожи на меня? Что за темный угол существует за этими вопросами, из-за которого он не говорит о них? Имею ли я право спросить его об этом? Черт, он и правда подстроил меня под себя. Я боюсь спросить, потому что в моей голове сразу представляется дальнейшее развитие событий, где меня унижают за то, что я пытаюсь увеличить свои права.

– Чего я жду? – вдруг вновь завопил он, – Разумеется, моя терпеливость это не снисхождение, а лишь усердное противостояние моему внутреннему зову. Но у всего же есть предел, у всего есть конец, у каждого есть своя грань, у каждого есть точка отсчета, до которой он медленно или быстро дви-

жется, чтобы после этой точки начался другой отсчет. Так вот, я приблизился к ней и теперь меня не покидает чувство долга. Я должен тебя убить!

Он взревел на последней фразе больше обычного. Его слова были почти неразборчивы из-за рева, но я почему-то почувствовал его намерения. Меня поражает страх. Я срываюсь с места так же молниеносно и почти неосознанно, как и он. Не знаю, что на меня нашло, это показалось мне незамедлительной реакцией. Он был более менее спокоен сначала, а потом этот взрывающий мозг рев... Он был более менее рассудительным сначала, а потом это поглощающее его сознание высокомерие... Нет ни капли злости, что удивляет меня, ведь убийство зачастую происходит под чувством ярости или озлобления, а тут гордыня. Я так рассуждаю, как будто это что-то выходящее за рамки привычного, а ведь это, так и есть.

Итак, я опять вышел за пределы изначальной темы. Вернемся.

Я срываюсь с места, забыв о своей усталости и слабости, однако впоследствии оно дало о себе знать. Он делает первый порыв, будто знал, что я сделаю последующий. Вероятнее всего, было бы, если он меня сразу схватил, учитывая его размер и превосходство, но, на глубочайшее удивление, вероятнее всего, моя слабость обернулась в обратную сторону, точно так же, как и звук здесь. Я бегу быстро, но я всем телом чувствую невероятную усталость, а в дальнейшем да-

же боль. Он гонится за мной с невероятной скоростью для того, чтобы убить меня или, по его словам, отключить мне мозг. Все происходит так быстро, что я даже до конца не додумал: соглашаться ли на убийство или нет? Конечно, возможно, мне лучше бороться за свою жизнь, но другой вариант меня тоже притягивает. Я убегаю от него не для того, чтобы в дальнейшем жить, а для того, чтобы продлить себе время для размышления. Можно возразить: как можно здраво думать при беге? Но тут проблемы не только со звуком, ощущениями и возможностями, но также и с мыслями. Как будто это все живет отдельно, бессвязно, своей жизнью.

– Стой, подлец! – вновь завопил он, при этом громя и разнося все вокруг.

На удивление, он мог дотронуться до предметов, которые находились здесь, но я этого сделать не мог. Я хочу зацепиться за угол, чтобы резко повернуть, но цепляюсь лишь за воздух и падаю на пол, который, в свою очередь, исчезал подо мной, и моя кожа разрывается под деревянными опилками. Кажется, здесь все против меня. В растерянности, не зная, куда бежать, на свой страх и риск вбегаю прямо в огромную статую, которая, кажется, сделана из мрамора, но я пробегаю сквозь нее, а он пытается не задеть ее, но у него это плохо получается. У меня было больше возможностей убежать, и я бы это сделал, если бы только не его громадный размер. Я даже пытался спрятаться от него, но все безуспешно, потому что он словно чует или чувствует меня. Я уже, правда, начи-

наю думать, что моя участь решена и что выбраться отсюда я уже никогда не смогу. Моя надежда начинает угасать, в то время, как его высокомерие нарастает с большей силой.

Он что-то кричит. Его голос, как безбожный гром, который никогда не останавливается и ревет без перерыва все с большей силой. Этими словами он каверзно унижает меня, без жалости высмеивает, с удовольствием насмехается, грубо давит и неистово унижает. Он прямолинеен, его слова четко ясны, и он выражается через них. Это не ошибка, это его воплощение. Без гнева, без ярости, без презрения, но с откровенным высокомерием, которое строит весь его образ. Но мне сейчас не стоит думать о том, какой он, ведь какой в этом смысл, если это не изменит исход событий. Мне надо больше переживать за свою судьбу, которая колеблется между смертью и жизнью из-за моей неуверенности и нерешимости. Знаете, а мне интересно: на самом ли деле он убьет меня? Нет, дело даже не в этом, а в том: умру ли я? Это место такое странное и непредсказуемое, что ожидать от него можно всего самого невозможного. Но все же, где-то в глубине себя я чувствую здесь что-то родное, что-то близкое сердцу, как бы это нелепо бы не звучало.

Что ж, мысли мыслями, но не стоит забывать, какие события разворачиваются вокруг. У меня есть предположение, что или в последний момент он остановится, не убив меня, или я останусь жив. Или он будет лицемером, или это место будет благополучно для меня. Я просто чувствую, что

здесь не может быть все по правилам, и поэтому склонен ко второму варианту. Но опять же: стоит ли мне доверять своим ощущениям? Вдруг они обманчивы, и что тогда? Что со мной будет? Вдруг, с этим местом все нормально и тут все по правилам, а я «неправильный»? Вдруг, не такой я, а не место и не этот тип. И как понять, что из этого является правдой? Никто мне поможет, а сам я не настолько умный, чтобы самому во всем разобраться. Во всех разногласиях нужен взгляд со стороны, а у меня его попросту нет и, наверное, никогда не будет. Чувствую, что это будет длинная и страшная дорога, которую я пройду в одиночку, но никогда не буду один.

Сначала надо принять решение, хоть что-то сделать, а не разбираться со всем бардаком сразу. Что мне делать? Эта погоня не может продолжаться вечно. Либо я остановлюсь сам, либо упаду и не смогу больше пошевелиться, чувствуя, что силы меня переполняют. Знаете, когда возможности не совпадают с ощущениями, паршиво как физически, так и психически. Я понимаю, что вновь захожу не в ту тему, но я вернусь к главному вопросу, а пока я хочу объяснить. Это ужасно, когда бежишь с невероятной скоростью, при этом чувствуя себя каким-то овощем. Мое тело ноет и болит, оно просит остановиться, но я не могу это сделать: ноги сами несут меня. Я хочу упасть, но бегу. С самого начала бега у меня болела каждая клетка моего тела, но постепенно я начинаю чувствовать себя лучше, но при этом теряя ско-

рость. Я понимаю: здесь работает все наоборот, и я уже знаю последствия, если не остановлюсь именно сейчас. Я не смогу в дальнейшем пошевелиться, если продолжу бежать. Скоро мой организм выдохнется, а я сам буду наполнен энергией. Это ужасно и так становится неуютно в своем теле, что хочется разорвать свою же кожу. Это просто выбивает меня из привычности, которая так близка мне. Это хуже всяких каторг, потому что я страдаю и психически, и физически. Мне ужасно неприятно, так как это выходит за рамки реальности. Решено. Я остановлюсь, но что дальше? Что последует за этой остановкой, и как это скажется на мне? Теперь опять возвращаюсь к первым вопросам.

Убьет или нет? Умру или нет? Но вдруг на меня нападает чувство тревоги и горечи, потому что я ощущаю, что на все эти вопросы ответ таков: «Да, убьет. Да, умру». Это чувство настолько меня захватывает, что я хочу остановиться и стоять так в иступлении и ужасе, но я вновь осматриваюсь и осознаю, что это делать нельзя, иначе я умру. Я должен как-то предотвратить это, обмануть его и обернуть его слова против него. Это моя обязанность, чтобы выжить. Надо начинать доверять своим ощущениям, потому что это же только мои чувства и больше ничьи.

Я останавливаюсь, и причин тому много. Моя остановка была резкая для него... Черт, мне пора дать ему имя, потому что у каждого должно быть свое определение. Назову его Форс, так, чисто для себя. Что ж, этот Форс бежит немно-

го дальше меня, но быстро ориентируется и тихо, даже с каким-то предупреждением, останавливается.

Настала смущающая и настораживающая тишина. Он даже не говорит, а только кривит лицо под стать своей натуре. Я понимаю, что через некоторое время он рванет опять на меня, и мне надо что-то предпринять, потому что бежать я уже не смогу. Это выше моих сил.

Что ему сказать? Как ему противостоять? Как мне остаться невиновным? Какие слова уменьшают его самолюбие? Говорить уважительно или нет? Сжалиться, упрекнуть в неверности его слов или вознести себя как что-то высокое и достойное жить? Может, убить его? А может, стоит проснуться? Говорить тихим криком или громким шепотом? Стоит ли использовать метафоры или лучше сравнения? Вставать в уверенную позу или лучше упасть пред ним? Можно ли потирать руки или моргать глазами? Будет ли мой голос дрожать, как дрожит он во время плача и всхлипов? Моя позиция будет враждебная, умоляющая или протестующая? С какими силами и действиями идти против него?

Как же сложно принимать решения, когда так мало времени на раздумья! Я просто понимаю, что никакого размышления у меня не должно быть, а только четко поставленная позиция. Мои мысли и так быстры, но надо думать еще быстрее.

Я знаю, я понял! Оберну его слова против него. Нет, не слова, а... а его личность. Пока не знаю как, но я дове-

рюсь случаю. У меня просто нет времени, чтобы полностью продумать слова, но основа уже есть.

– Я убью тебя! – все твердил Форс, как замороженный своими словами, – Ты никто! Я все! Я настолько важен, что не потерплю рядом с собой никого. Ты не достоин ничего, даже моего взгляда, так что радуйся и благодари! Ну же! Благодарю меня, что я говорю с тобой! Я даю тебе слово, но единственное слово. Поколеблешься – убью! В любом случае убью, а сейчас благодари, – после этих слов он словно что-то осознал.

Его лицо встрепенулось, засияло другими красками и начало выражать более глубокое высокомерие. Никогда я такого не видел, ни разу за свою жизнь, которую я не помню, но я рад, что он мне пока дает еще времени, однако его изменение тревожит меня. Его жестокие черты лица, надменный взгляд и лицемерная улыбка как, будто зажили вновь с новой силой. Он словно впал в безумие, но у безумия тоже есть свой характер.

– Нет, нет, нет! – продолжал Форс, – Благодарности это лишь малая часть для меня, мне надо что-то намного большее, то, что полностью обозначит меня и мою позицию, и я знаю что это! Боготвори меня, идиот! Я Бог, я все на свете! Все принадлежит мне, все создал я сам, все возникло от моих рук, все является частью меня! Я Бог! Я все живое и неживое! Ты обязан боготворить меня! Ну же, никчемный человек, говори, раз я даю тебе на то слово!

Ох, нет. Голос Форса, словно еще увеличил громкость. Он проник внутрь меня и все там покоробил. Я бы мог уже давно стать глухим, если бы не здешние странные каноны, но в данной ситуации не на голос стоит обращать внимание, а на смысл слов.

Ох, как же он глуп. Глупость порождает высокомерие, а высокомерие смешивается с безумием и получается жажда убийства. Как же далеко он зашел в своих убеждениях. Он же сам все придумывает на ходу, но почему-то все его мысли, слова и действия направлены лишь в одну сторону. Я уже понимаю, что это полностью его мир, и не важно, как я в него попал, важное то, что он создает себя и свое окружение лишь с одним намерением – унижить. Не вознести себя как Бога, а именно унижить меня. В принципе, за одним следует второе и так далее, но точкой исхода является унижение. Он делает меня никем, он даже заставляет меня думать, что я никто, лишь какая-то вошь среди всего мира. Это является главной его ценностью, за которой стоит чувство собственного достоинства. Он не ответит на вопрос «Почему он выше всех?», но он может ответить на вопрос «Почему я ниже всех?», и ответ будет таким: «Ты низок, потому что я высок!». Это один из принципов высоконравственных людей. Он назвал себя Богом не для, того чтобы казаться или, по его мнению, быть им, а для того чтобы я не был им. Опровергнуть это почти невозможно, потому что он в первую очередь убеждает меня в этом, а потом самого себя. Возможно,

он сам не понимает такой системы принципов, так как его мысли заняты другим, однако если бы он посмотрел на себя со стороны, то возможно бы, все осознал и изменил бы свои намерения в еще более худшую и безвыходную сторону. На самом деле он слаб и...

– Боготвори меня, ничтожество! – неожиданно прервал он мои размышления, и вновь начал меня оскорблять и принижать, – Ты должен это делать, это полностью твоя обязанность! Сделай это, а потом я тебя убью, потому что никто не достоин находиться рядом с Богом! Ну же, ущербный!

Вот он. Вот мой шанс идти против него. Я не воспринимал, что там говорил Форс, потому что я и так знал, что никакой правды я там не найду, одно только лицемерие и мерзкое высокомерие. Я чувствую, что мне надо сделать и каким я должен быть. Я должен походить на него, но не действовать по такому же принципу. Я должен убеждать его так же, как он меня, но убеждать в совершенно ином, и это не будет походить на «высокомерие против высокомерия». Прежде чем я сам поверил в свое унижение, я слушал его или хотя бы обращал на него внимание и содействовал с ним. Без этого не будет остального. Мое внимание – это словно бумага, на которой ставится главная точка – унижение. От нее уже разветвляется на высокомерие, лицемерие, гордость, важность, надменность, заносчивость, слегка безумие и т. д. Не будет меня, значит, не будет его личности. Вот так обернулась его важность. Неожиданно, но заслуженно.

Моя тактика такова: показать, что я не заинтересован и как-то опровергать его или, в крайнем случае, вообще не обращать на него внимания и тогда, возможно, он убавит свой пыл. Я буду относиться к его словам безразлично, но надо быть осторожным, потому что иначе он убьет меня. Это тонкая грань между дерзостью и здравым рассудком.

Он остановил меня. Я понимаю, что если я скажу что-то, то он меня услышит, но, вероятнее всего, не поймет мои слова как правду. Я слегка растерян, но не показываю это снаружи. Пусть, моя поза немного кривая и скрученная, ибо я еле держусь на ногах, но зато лицо мое выражает лишь отвагу и уверенность и сердце мое неумолимо бьется в бешеном ритме ожидания. Интересно, как он отреагирует на мой поступок и слова, ведь для каждого из нас существует свое понимание другого. Так, хватит. Надо действовать, а то моя тишина становится слишком подозрительной.

– Нет! – крикнул я из всей мочи, и поэтому получилось настолько тихо, что я сам еле расслышал свои же слова, но этот звук именно то, что мне нужно. Я знаю, что он все слышит, но не показывает это напрямую, а только косвенно, словно ничего не слышит, потому что я низок, но он сам же начинает говорить на ту тему, которую я выкрикнул. Из этого складывается то, что он не желает терять свой статус и напрямую слушать таких, как я, но я знаю, что он меня прекрасно слышит и даже слушает. – Я не намерен выполнять твои условия, потому что они абсурдны, – Я пытался говорить спо-

койно, без гнева или ярости, вполне рассудительно и уважительно, – Я не низок, а ты не высок, мы равны, но проблема в том, что это твое пространство, и я это вполне положительно воспринимаю. У каждого существует свой мир, в котором он такой, каким хочет быть, но не стоит подчинять других ради своей выгоды и тем более убивать. Сначала ты показался мне просто заносчивым типом, но ты зашел слишком далеко, и теперь ты безумно-высокомерный тип с целью убийства ради своего достоинства. Твое чувство высокомерия возросло до невероятного размера, и не могу даже представить, до какой степени оно может развиваться еще...

Дальше он не позволил мне говорить. Между нами нарастало что-то вязкое и тягостное, но это не было преградой, а наоборот, словно это напряжение, и эта преграда исчезла, а эти чувства – это естественное восприятие друг друга. Я прекрасно знаю, что он слышал и даже слушал мои слова, и он это, на удивление, не скрывает. Может потому, что они слишком грубые для него, и поэтому он уже сам позабыл свои убеждения и привычки.

Оба мы скрывали свои неприличные чувства внутри себя, но кто-то скрывал хорошо, а кто-то нет. Мое скрытое чувство – страх, его – растерянность. Думаю, не сложно догадаться, кто не умеет держать все в себе.

– Заткнись, ничтожество, – он прервал меня этими словами.

Больше я не попытаюсь заговорить, потому что эти слова

были сказаны не так, как обычно. Теперь в его голосе ноты не скакали, как и его выражение лица и жесты. Раньше он был слегка смешон и походил на ребенка, но, кажется, его изменили мои слова. Он настолько охладевает, что мне самому становится не по себе. Теперь его голос держался на низких нотах, и странно, что это был не крик, а вполне спокойный, но угрожающий голос. Кажется, что его пыл убавляется, но на самом деле он просто сдерживает себя, чтобы потом выплеснуть все разом. Он как будто становится более рассудительным, но это не основание полагать, что его высокомерие хоть как-то снизилось. Вот тут не ясно мне. Вначале я как-то попытался перечить ему, но посчитал, что это была ошибка, и сразу пожалел о своем действии. Я это запомнил, и сейчас не буду отступать, потому что иначе во всем моем протесте и даже в моем существовании здесь не будет смысла. Я уверяю себя, что если я сдамся, то пусть он убьет меня беспрекословно. Это будет лучшая моя казнь за мою слабость. Или нет?

Что ж, кто-то должен сделать следующий шаг, но вот каждый ждет его от собеседника напротив. Вот и получается вязкое, с нотками негодования, молчание. Пора ставить себе цель – так гораздо быстрее я что-то сделаю. Я должен ему противоречить, и не должно быть в моем голосе хотя бы капли страха или нерешимости, потому что это убьет меня. Тут как на минном поле: одно неверное движение и ты труп, мертвец, мешок с мясом, не жилец, не личность или, одним

главным словом, никто. Это пугает меня, а еще меня настораживает мое самочувствие, ведь это тоже играет важную роль. Я боюсь одного: он пойдет на меня, а я уже не смогу встать и бежать. Не думаю, что есть смысл вновь описывать мое состояние, потому что где-то оно уже было. Моя задача переубедить его, да так чтобы он не пошел на меня с целью убийства. Теперь каждое мое слово должно быть обдуманым и не нести в себе враждебного смысла.

– Пойми, я не хочу тебя оскорбить или как-то унижить. Я всего лишь хочу, чтобы ты меня выслушал, потому что мои слова не так уж глупы и бессмысленны. Я просто хочу тебе спокойно кое-что объяснить. Поверь, я не пытаюсь продлить время убийства и не желаю тебе зла. Я просто хочу...

Что? Как? Что говорить? Я растерян, потому что не знаю, какие слова сказать, словно забыл весь свой замысел. Я и так уже соврал, а еще что-то выдумывать или преувеличивать не хочется. Я просто запнулся, и эта остановка сильно прервала ход моих мыслей. Нет, нет и еще раз нет. Я не должен так просто сдаться.

– Ты посмел пригрозить мне? – начал быстрее меня Форс. Это меня сильно обеспокоило, и в особенности его последующие действия и слова. – Ты начал забывать, парень, главное здешнее правило: все принадлежит мне, и даже ты. Никаких упреков или неповиновения. Ты и так умрешь от моих рук, но последнее, что ты должен чувствовать – это почтение ко мне и ничто больше. Поверь, даже тобой я могу управлять,

потому что это полностью мой мир с моими правилами и законами.

– Почему бы тебе не заставить меня уважать и боготворить тебя? Ты же все можешь! На словах ты могущественный, а на деле никто, такой же, как и я ничтожество! Ну же! Покажи мне всю свою гордыню, но только не надо лишних слов, полных обещаний. Иногда слова всего лишь отговорки или грязная ложь!

– Ложь, по сути, тоже неплоха...

– Ложь по своей сути – это правда одного человека, придуманная чтобы защитить свою тонкую и хрупкую личность! Ложь не нужна сильным и стойким людям..., если только это не является хитростью. Тогда она необходима.

– Так вот моя ложь – это хитрость! Что теперь?

– Твоя ложь – это не хитрость, а просто навязчивое высокомерие.

– И к какому типу людей, по твоему мнению, я отношусь: к хрупким и слабым или к сильным и выносливым?

– Более к слабым, но это не совсем так. Я бы тебя отнес к пустым, бездушным людям.

– Ты врешь, мерзавец! Все твои слова – это лишь пустая клевета на меня! Да как ты посмел назвать меня пустым?

– Научно доказано и подтверждено некоторыми фактами, что личность, проявляющаяся снаружи, противоположна внутренней личности. Факты ученых не оспоришь.

Да знаю, что схитрил, но это были просто необходимые

мере. У меня опять было ощущение, что, когда перед человеком поставишь научный факт, то все будет следовать по его законам. Я чувствую, что так устроен человеческий организм, и его реакция тому подтверждение. Мой вымышленный, а может и не вымышленный факт застал его врасплох.

– Что ты несешь? Забудь про факты. В моем мире нет таких законов. Это ложь, это все твои грязные убеждения!

Пусть, он пытается опровергнуть что-то, но его голос предательски дрожит, а глаза его мечутся в тревоге. Теперь я чувствую себя увереннее из-за его замешательства.

– Ты не прав. Тут правят твои законы, но только те, которые касаются всего, кроме одного – души человека. Тут ты неподвластен. Ты можешь вытворять со своим и моим телом все, что тебе пожелается, но вот человеческая душа, а точнее натура, останется при своих правилах. Но даже то, что ты создал здесь все обман. Оглянись! Разве это то, что тебе так нужно? Все эти предметы, которые ты создал для преувеличения потенциальности своей личности, отражаются только на тебе и ни на ком больше. Для меня их не существует! Я их вижу, но на меня они не воздействуют. Ты можешь говорить, что это все для тебя, но разве это так? Тебе важнее не ты сам, а другие, потому что на унижении других строится твое высокомерие, из которого полностью состоит твоя пустая личность! И не надо говорить, что я не прав или еще хуже, что я не имею права говорить, потому что это утверждение полно-

стью является абсурдом. Как я уже говорил: натура человека не подчиняется твоим законам, а подчиняется собственным законам, которые складываются годами. Из этого вытекает то, что я могу говорить все, что мне угодно, и ты тому не закон. Я понял твою личность и даже проник внутрь нее, а теперь пытаюсь ее сломить, чтобы она не сломила меня. Это как естественный отбор, но только он определяется не по силе, а по уму и хитрости. Кто кого быстрее добьет словами, но только ты еще подключаешь к этому действия, в то время, как я обездвижен. Но, все равно, эта игра честная, ибо мои познания в тебе слишком глубоки, чем твои во мне. Ты не познал меня внутри, прежде чем вести со мной войну, и поэтому ты сейчас проигрываешь. Ты потерян, ты сражен, ты бездушен, ты немой!

– Да что ты знаешь обо мне...?

– Я знаю все! Ты слишком прост, чтобы не знать твоих скрытых и истинных действий. Ты выставляешь себя Богом, но на самом деле твои намерения направлены в другую сторону. Твоя задача не быть высокомерным, а унижить меня. Чтобы быть высоким достаточно того, чтобы все были ниже тебя. Из этой системы строится твоя личность, а твоя система строится на мне! Не ты точка опоры, а я.

– Ты так же высокомерен, как и я...

– Нет, нет, нет! Не путай высокомерие с правдой. Тут есть малая грань, которая называется «Равная для всех истина». Моя правда строится на том, что она будет правдой вне за-

висимости от того, какой ты и какой я. Правда не выбирает себе союзников и врагов, правда нейтральна, но влиятельна.

Я говорю так спокойно, что сам дивлюсь своей речи. Она четкая, непреклонная, уверенная и, самое главное, безоговорочная. Я убедил не только его в своих словах, но и себя, а это наивысший результат. Я горд собой, но все же я панически волнуюсь, несмотря на мою победу. От своей тревоги я уже не помню, что я там говорил, но все же, примерно знаю. И все-таки, я тревожусь, что начну опять говорить то, что уже было когда-то мной произнесено. Я чувствую, что мой голос дрожит и срывается, но или он этого не замечает, или это лишь мое предчувствие. Да что там забывчивость и дребезжание, я собственного голоса же не слышу из-за мучительного и тягостного биения сердца. Оно неумолимо бьется, и причин тому много.

Тише, мне надо успокоиться, все позади. Его реакция странна, открыта и вполне ясна. Он стал уменьшаться в размере в прямом смысле. Медленно, но решительно, он становился таким же, как я. И здесь я почувствовал власть. Такую нежную, холодную, притягательную и заслуженную власть, которая приходила ко мне с каждым его уменьшением на дюйм. Я словно укоротил его, подчинил и поразил в цель. Я так хотел смеяться ему в лицо, нагнетать на него и выстраивать свои правила и законы, согласно которым он будет ничем. Во мне проснулось такое безумие, что я сам хотел его убить, но перед этим он должен боготворить меня.

Этот Форс, который уже потерял свое имя, стал таким ничтожным и мелочным, что моя самооценка возросла до его бывших пределов. Все его указы в мою сторону стерлись в пыль, как и все его действия и намерения. Я стал всем, я... стал им. Это пугает меня, но я не могу перестать испытывать чувство высокомерия. Нельзя перестать чувствовать определенное чувство, которое соответствует мне и ситуации, в которой я нахожусь.

Наше равенство давно уже прошло и настало время моего приоритета.

– Ты уничтожил мой мир, – он сказал это таким тревожным и страдающим голосом, что мне стало не по себе от его заявления, но в то же время я хотел сказать, что я ничего не сделал с его миром, а лишь сказал ему правду. И я, правда, чуть не сказал это, если бы не оглянулся.

Окружающее меня изрядно удивляет и приводит в скорбное негодование. Я и правда попортил его мир, даже более – кардинально изменил его. Конечно, я понимаю, что это все дело моих слов, но именно он спровоцировал меня на это.

Итак, весь его бесконечный мир истощился до пределов крохотной комнаты, а все громоздкие предметы его достояния на самом деле оказались лишь блеклыми рисунками на потрепанных стенах комнатки. Помните, я говорил о деревянном поле? Так вот, под моими ногами сейчас именно он и никакого прекрасного покрытия нет на самом деле. А помните свет, который был как холодное солнце?

В этом изменившемся мире это оказалась еле живая лампочка, не отличавшаяся никаким преимуществом. Как уже было сказано, – все стены были изрисованы мелкими, пляшущими линиями, которые то и дело где-то обрывались на полпути или были наложены настолько большим слоем, что казалось, стена в глубине пропитана ими. Плоско, но сугубо ясно было нарисовано все, что нужно человеку, чтобы быть в преимуществе перед другими в своем имуществе.

В это время, подвешенная лампочка не может устоять на месте, словно кто-то неизвестный или что-то неизвестное двигает ее, и из-за этого пляшет все освещение. А самое необъяснимое то, что эти плоские рисунки имеют тень. Один нарисованный предмет отбрасывает тень на второй, а после того, как лампочка поколеблется в другую сторону, этот второй предмет отбрасывает тень на первый. Это смущающее и незабываемое явление. Они словно форменные, нет, живые внутри стены, а снаружи они безлики и не имеют даже граней. Кто же придумал эти законы физики в здешнем месте? О нет, здесь не законы физики, а законы хрупкой, многогранной души человека. Это часть его души, часть его реальности, его мира и его характера. Для него они живы, они реальны внутри неживой, безобразной стены. Эта тень не оптическое явление, это тень воспоминаний об этих предметах как о живых и существующих в головах других людей, которым он об этом сказал. Изначально ложь мы понимаем и запоминаем, как правду, и эта правда, хоть даже она оказалась

ложью, в дальнейшем остается как тень разоблаченной истины в наших сердцах. Но самое главное это то, что их нет. Да, в моем понимании тоже осталась эта тень, но теперь мне понятна истина и понятна причина создания этих предметов.

После этого созерцания какая-то сумбурная грусть покоряет мое сердце. Мне словно жаль его, и я уже забываю о своем никчемном высокомерии. Я смотрю на это и понимаю: он нищий. Это убивает меня изнутри. Он был всем со всем, а стал никем, ни с чем.

Я понимаю, сейчас он сзади меня. Я стою спиной к нему и не могу повернуться, словно там меня ожидает что-то пугающе ужасное. Я стою и немыслимо тяжелыми ногами, которые не хотят тронуться с места, потому что мое сознание запрещает это сделать. Я так тяжек и так испуган, что холодный, нервный пот льется по лицу. Я чувствую его упорный взгляд, направленный точно мне в спину, и он убивает меня лишь своим существованием.

Я медленно поворачиваю голову, не надеясь что-то разглядеть. Мое боковое зрение не улавливает его силуэт, и я уже забыл, каким он был. Я помню его таким громоздким, величественным, самолюбивым, высокомерным и помню лжецом, помню дурным убийцей и безнравственным слушателем, а также запомнил его как отвратительную личность, поддавшаяся тщеславию и чрезмерной гордости, но понимаю, что позади меня нечто иное. Я перевернул все его сознание... или нет? Я сделал это место таким, или это его из-

начальный вид? Мне надо понять все, но для начала надо обернуться. Я боюсь неизвестного и чувствую за это себя так низко и уныло, что хочется просто не быть здесь. Но надо. Я сделаю это, и все закончится: все мои догадки, переживания и страхи. Надо не тянуть, иначе это будет длиться вечно.

И вот я, человек который находится в ужаснейшем состоянии, который поддается любой реальности, который сильно озабочен своей жизнью, который стал жертвой и тираном, который нашел выгоду в жестоком, который слишком обеспокоен чертами душ других людей и который сам страдает из-за страданий других людей, открыл ужасающую реальность высокомерной личности.

Момент, когда я обернулся, прошел, и сейчас я нахожусь в неизвестном мне месте, но я до мельчайших деталей помню этот секундный момент.

Не знаю, где я и что я, но у меня есть время подумать.

Часть вторая

– Добро пожаловать.

Почему же это словосочетание всегда звучит тогда, когда я нахожусь в неясном состоянии и в неизвестном для меня месте? Куда меня приглашают? Где я? Кто это говорит? Если так дальше пойдет, то у меня появится паранойя. Или уже? Не знаю, не знаю... Но что-то со мной точно происходит. Или с реальностью. Это не будущее и не прошлое. Но что тогда? То место, из которого я каким-то образом исчез, было чьим-то малым миром, который изменил свое обличье. Это пугает меня и интересует.

Итак, мое тело опять валяется где-то. Пока я не хочу ничего узнавать о новом месте, потому что еще не разобрался со старым. Мои глаза закрыты, но даже так я вижу белый свет. Я рад ему, потому что, если бы видел тьму, то сразу же сконфузился бы и открыл глаза...

Что ж, у меня есть много суждений и чувств об увиденном. Когда я обернулся, то увидел то, чего так боялся. Нет, это даже превзошло мои ожидания! Все, что я знал об этом эгоистичном человеке, мигом улетучилось, как только я взглянул на нового «эгоистичного человека». Это была секунда, но это была самая тягостная, долгая и чувствительная секунда, словно время замедлилось. И если это было именно так, то я даже не удивился бы, потому что я увидел

там слишком много неестественного, по моим ощущениям. Кто-нибудь знает истинное лицо высокомерия и всех его синонимов, если рассматривать это, как отдельную личность? Вряд ли. Потому, что мало кто об этом задумывается и мало тех, кто может обернуть чье-то чувство против него же самого, а я как-то смог это сделать. Но я не могу понять, правильно ли я поступил, потому что увидел совершенно голую душу, а это, на мой взгляд, самая жалостно-ужасающая картина, от которой любой содрогнется. После увиденного я понял, почему все находятся «под маской». Они защищают и охраняют свою хрупкую и трепетную душу.

Так, пора бы описать что произошло. Я разглядел и запомнил вот что: маленький, худощавый и жалкий мальчишка, смотрящий на меня с горечью в глазах, в которых читалось следующее: «Я был беден, а потом ты отнял созданное мною». Он разжалобил меня и ужаснул меня своим видом. Этот мальчишка сидел за столом, который я видел вначале, но он изменился, и стал лишь обшарпанным и дряхлым столом. Одет мальчишка был в тот же неестественно идеальный костюм, который совсем не изменился. Так же, увидел спрятанные руки, а еще то, что не удавалось увидеть раньше: на столе лежали бумаги, но они были пусты. Это и есть высокомерие.

Почему этот малый мальчик был изначально таким до абсурда гордым и надменным? Думаю, потому что он был беден и не только в материальном смысле. Иногда, ложью мы

восполняем то, чего у нас никогда не было. Иногда личность, которая снаружи, совершенно противоположна личности внутри, и это естественно для многих. Многие хотят стать теми, кем не являются. Все в нас, чтобы мы не взяли, естественно, натурально, безоговорочно и не фальшиво. Мы так устроены, и в этом нет ничего удивительного. Казалось бы, увиденное не должно меня пугать, но я все же ужаснулся, потому что таких рассуждений в тот момент у меня не было. Меня скорее вогнало в дрожь то, насколько велика грань между двумя сторонами человека.

Малый, малый мальчик был настолько омрачен, хрупок и жалок, что в тот момент я сожалел о сказанном. В его малом, бледном и невинном лице можно было найти черту укора и неприязни ко мне. Слегка согнутые, нахмуренные брови создавали это впечатление. Его губы, которые так и хотели произнести что-то кроткое, не ясное и лицемерное, были наряжены и сомкнуты, но не настолько сильно, чтобы искривить все лицо. А его глаза? О, они были прекрасны и неукротимы в одно и то же время. Именно в них было больше всего жалости и невинности. Именно из-за них я хотел упасть на колени и просить прощения за свои слова. Я хотел сказать: «Прошу изменись, стань таким, каким был. Меня убивает такая твоя душа. Она слишком обнажена и не прикрашена». Это бы я сказал, если бы видел только глаза и не слышал сказанных им слов. Да, за малую секунду он все же кое-что произнес. «Я же Бог», – вот что он мне сказал, и его го-

лос тогда прозвучал как-то даже обыденно и естественно для его внешнего вида.

И все же, что-то таинственное и предвкушающее в нем осталось. Ы нем я видел пережитки прошлого, и они мне казались такими естественными для него.

«Я же Бог» – это все, что надо знать о нем.

Но что-то явно продолжает до сих пор меня смущать. Мне кажется, что я поступил и правильно, и не правильно. С одной стороны, мои действия были верны, потому что иначе он бы убил меня. С другой стороны, мои действия убили его. Вот до какой степени возвышается высокомерие, и стыдится здесь, есть чего. Конечно, многие бы хотели иметь все, что им пожелается, но каждый будет отличаться по манере использования этого «всего» для себя и окружающих. Не каждый сможет достичь такой высокой планки, которую достиг мальчишка, что потерял свое имя.

И все же, убийство есть убийство, и важно не только из каких чувств оно взяло корни, но еще то, что человек будет мертв. Казалось бы, убил человека, в данном случае меня, и что бы изменилось? Никто обо мне даже бы не вспомнил, потому что я один в здешнем мире и, кажется, не только в нем. Я чувствую, многие заботятся о своей жизни, но зачем? Какой толк в огромном населении? Для войны или для большего? Как же это все тягостно для меня! Разве об этом я должен думать, когда меня пытаются убить?

Пора бы уйти из своих грез и познать совершенно новый

мир. Интересно, чей он, кто меня в нем поджидает, с какими намерениями меня встретят, как здесь все устроено, какие правила, законы и предупреждения меня ждут? Какие же чудеса окажутся предо мной на этот раз?

Я лежу на спине и медленно поднимаю веки. Свет. Интересно, на самом деле это окажется лампочкой? И все же, предчувствие, что это что-то очень странное. Мне кажется, для каждого свет изначально произошел от чего-то особенного и влиятельного. Для кого-то это лампочка, которая пускает тени от бесформенного рисунка на стене, а для кого-то... что-то иное, просто другие варианты я пока не изучил. И все же, теперь, когда я внимательно осматриваюсь, я понимаю, что скорее это не свет, а цвет. Белоснежный цвет, который излучает свой внутренний свет. Это белоснежный цвет без единого недостатка или погрешности. Он прекрасен, он идеален, он лаконичен и не вызывает отторжения, он не слепит, а даже наоборот, кажется, потухает, но так медленно и нерешительно, что трудно это заметить, но все же я смог.

– Кто ты? – совершенно неожиданно прозвучал голос.

Ох, это было слишком резко. Я так испугался, что усомнился в услышанном. Теперь я стараюсь даже не подавать вида, что я что-то понял, не оглядываться по сторонам и не искать никакого незнакомца. Возможно, я просто боюсь новой встречи, потому что не отошел еще от той. Мне нужен отдых, передышка, но, видимо, кто-то этого явно не желает.

Пока я глядел в потолок, кто-то склонил свою голову прямо над моим лицом и быстро вновь произнес:

– Кто ты? – и исчез с моего поля зрения.

Я точно не смог его разглядеть, но все же что-то я смог ухватить в его образе. В нем есть что-то таинственное и захватывающее, от чего я немедленно поднимаюсь на ноги. Я даже не могу точно понять, что происходит, но по велению сердца я должен его лицезреть, словно это мой долг перед самим собой.

И все же, что-то есть не только в его образе, но и в голосе. За столь короткое время я как будто отвык от слов и, вообще, от чужой речи. Голос его звучит на другой манер, нежели голос Форса. Другие ноты, другой тон и другой тембр делают его голос чем-то новым, неизведанным, неслышанным для меня. Отчасти, он тоже меня завлекает.

Я немедленно встал и тут почувствовал что-то удивительно-неестественное, чего мне так не хватает для полноты моего чертовски странного образа! Что? Без каких-то проблем никак нельзя? Мое тело вновь превратилось во что-то настолько слабохарактерное и бесхребетное, что на какое-то время я слегка усомнился, что точно ли это мое тело. Но недолго я виню себя в том, что сам же ощущаю, потому что понимаю, что это глупо и навязчиво, хоть даже и чувствую тревогу за мое физическое состояние.

На этот раз не было усталости или сонливости, а был другой, но не менее неприятный, недуг. Я ощущал тошно-

ту. Такую жадную и гадкую тошноту, которая не дает покоя внутри. Это настолько неприятно, что не хочется ничего говорить, потому что мне кажется, что слова будут исходить именно изнутри, а там не все в порядке. Хорошо, что еще голова не болит, потому что это было бы еще неприятнее. Ох, я настолько заинтересовался этим, что совсем позабыл о главном. Успокойся, не надо обращать на это внимания, надо следовать происходящему, а не себе.

После некоторой томительной минуты я все же решаюсь поднять глаза и выпрямиться. Не успев ничего рассмотреть вокруг, я увидел, что в нескольких шагах от меня оказался незнакомец. Он повернулся ко мне спиной и тихо, не спеша начал уходить от меня, но его шаги какие-то нерешительные и слабохарактерные, словно он совершенно этого не хочет, но должен это делать, чтобы поддерживать свой образ, но какой?

– Эй! – прокричал я ему в спину и незамедлительно получил ответ.

Он подждал эти слова.

Он молниеносно повернулся и разом очутился в шаге от меня. Я даже точно не мог уследить за его движениями, потому что был слишком обескуражен им самим.

– Кто ты? – спросил он невозмутимо быстро и выжимал взглядом из меня ответ. Я не знал, что ответить, и тому было много причин.

Одна из них – это он сам. Он настолько чувственный

и притягательный, что я не могу сформулировать свои ответ, потому что я дивлюсь им. Он занял слишком много места, но в переносном смысле. Его много, и много важных мелочей содержится в его лице. С первых минут нашего короткого общения я понимаю, что он притянут ко мне, а я к нему, но это не значит, что мы испытываем одни и те же чувства. Мы разные внутри и слегка похожи снаружи. Тем не менее, кем бы он ни был, он значительно приятнее прошлого собеседника. От него не идет какой-либо неприязни или презрения, а скорее наоборот, он ставит меня выше себя, а это мне более приятно.

И все же, что-то открытое и... даже красивое в нем есть. Его лицо полно эмоций и, кажется, его легче «прочитать». Но я боюсь, что первое впечатление окажется обманчивым. И все же, каким бы он впоследствии не оказался, его внешний образ не изменится, по крайней мере, мне так кажется. Опять я не уверен в своих ощущениях... Хватит. Не об этом в этот раз.

Пожалуй, эти глаза, и это бессознательное подергивание рук никогда не изменится. Эти живые глаза, которые точно смогут вырвать все самое тайное изнутри, но при этом, оставаясь непричастными к содеянному, углубляются все внутрь души и, кажется, что любая тайна им уже открыта и что защитить все просто невозможно. Они такие едкие, но, при этом, я бы никогда не решился сказать это вслух, потому что, как только я соберусь говорить это, они изменятся и останут-

ся невинными. Под таким гнетом я чувствую себя безоружным. Я уже начинаю бояться думать, потому что чувствую, что он знает мои мысли. Кажется, что вот он, уже знает все обо мне, но все равно не оставляет меня в покое, а наоборот, будто требует чтобы я это сказал. Он давит нежно, чуть слегка, так, чтобы я открылся, так, чтобы я считал, что это чисто мое намерение говорить, а не его восхитительный гнет. И да, я сужу по двум его фразам, которые несут один и тот же смысл, потому что именно по первым словам и первым движениям надо судить человека, но, конечно, возможно, они окажутся ошибочными и в дальнейшем он станет совершенно другим, но пока я буду придерживаться моего суждения.

Первые слова, первые действия и первые суждения, более честные и глубокие, нежели последующая ложь.

Ах да, движения! С одной стороны, они у него настолько неосознанные, что, кажется, живут отдельной жизнью, вне зависимости от сознания. Но с другой стороны, кажется, что они всегда следуют за словами. Вот сейчас, например, его руки согнуты в локтях и сомкнуты так, что его лицо почти прикасается к ладоням. Они словно умоляют меня ответить на вопрос: «Кто ты?». Но при этом ладони дребезжат с легким неповиновением. Они не слабые, а наоборот, наполнены внутренней силой, которая делает их будто невесомыми и неестественно живыми. Именно это происходит с его руками, но не со всем телом. Ноги его, наоборот, кажутся более тяжелыми, неподвижными.

– Да ответ же ты уже! – более настойчиво, но не грубо попросил он.

Ах, я опять позабыл о реальности. Как же мне хочется остаться в своих мыслях и не с кем не общаться, при этом видя общение других людей. Мне хватает себя.

– Я не могу тебе ответить, – дольше я размышлять не мог и поэтому выдвинул эту бессмысленную правду.

– Почему? Ответ же! Кто ты? Мне нужен ответ! Я хочу тебя узнать!

Как же энергично выделяет он последнюю часть слов, при этом невольно вздрагивая глазами и руками. В его словах есть какая-то неудовлетворенность, и не трудно догадаться почему. Ему нужен ответ от меня обо мне, но как, как ему ответить? Я же ничего о себе не помню. Точно! Именно так я и отвечаю, ибо, зачем врать в моей ситуации?

– Я не могу тебе ответить, потому что ничего о себе не помню. Я вообще не понимаю, что происходит и где я.

– Как не помнишь? Что за вздор! Разве это не ложь? Разве знать себя значит лишь иметь воспоминания, в которых ты помнишь свое прошлое? Что за вздор!

Его высокий голос когда-нибудь меня добьет. Он упрям, не спорю, но в этом упрямстве есть что-то такое детское и смешливое. Он так обеспокоен мною, что я сам из-за этого начинаю переживать за себя. Точно не помню, но, мне кажется, я не раздумывал над вопросом «Кто я?», а только лишь пытался понять где я. Хм... А все же он в чем-то прав.

Ответ во мне самом, но что-то я не могу его найти, да и еще эта неконтролируемая тошнота, которая заставляет меня отвлекаться на нее и чувствовать себя слабovolным.

– Ну же! Мне просто до жути интересно кто ты! – все не переставал выпрашивать он у меня ответ. – Ты совсем незнакомый мне человек, я о тебе ничего не знаю, и поэтому тебя ожидает непростительное множество вопросов, и на каждый мне нужен ответ, ибо я не хочу, чтобы в тебе было что-то не раскрытое для меня. Я ненавижу пустых мест в людях, они заставляют сомневаться, недоумевать и брать под сомнение все твои слова и действия. Неразрешенное движет мною, и эта сила довольно сильна, чтобы препятствовать ей. И да, скудные ответы и незнание меня не устраивают. Сказать «Не знаю» или отделаться одним словом – это худшее, что может совершить человек для меня. Это будет низко для тебя, оно унижит и подавит твою личность в моих рассуждениях. Никогда не делай так, иначе... лучше не знать, что скрывается за этим. Я пока не знаю тебя, но я надеюсь, что ты не окажешься ничтожеством или безличным человеком. Ты ведь не такой, правда? Не такое же ведь? Ответь мне! Любой вопрос ожидает ответа.

Интересно, как его размышление вылилось в то, что произошло со мной совершенно недавно. Ничтожество, безличный... таким меня считал Форс, и отсюда вытекает вопрос: «Он знал о моем прошлом изначально или просто догадался?». Что-то мне подсказывает, что он вынул эту информа-

цию из меня, но сам не понял ее значения. И как же плавно она вписалась в его убеждение!

И все же, откуда бы он ее не взял, она задевает меня и напоминает о прошедшей войне. Это меня подкашивает, раздражает и тревожит. Эти слова в моих ушах отзываются провокацией, которую я непременно принимаю, потому что не могу оставить это так. Не знаю, получилось ли доказать предыдущему, что я не мусор, но я не хочу, чтобы этот человек считал меня таким же, я не хочу второй раз бороться за свое имя. Чувствую, здесь война будет идти по другим правилам, потому что один игрок поменялся. А если это он же? Если это Форс? Это звучит пугающе, и я не хочу принимать эту информацию, но все же предупреждения остаются. Я не хочу считать, что это один и тот же человек, потому что не хочу вновь встречаться со старым другом, который хотел меня убить. Это скучно и до того утомляюще, что я готов уже сразу сдаться. Так какого же мнения мне придерживаться?

– Ты опять забыл про меня или не хочешь отвечать на вопрос? Твое молчание меня убивает. Молчанием ты не минуешь вопрос, а наоборот, создашь еще больше вопросов, на которые тебе все равно придется ответить. За одним неотвеченным вопросом следуют другие и так далее. Мне не в тягость задавать тебе их, но если даже последующие останутся без ответа, как и первоначальные, то это будет край не неприятно для меня. Так почему ты не отвечаешь?

– Не тревожся...

– Я не тревожусь.

– ... я просто задумался.

– Задумался? О, какое интересно это явление. О чем же?

Какие мысли пришли тебе в голову, когда я тебе объяснял свою позицию?

А он не на шутку заинтересовался! Но не могу же я ему сказать, что думал о том, что, возможно, он совершенно другая личность. Кажется, это будет непочтительно, а если я ему все же скажу, и это не окажется правдой, то с его стороны будет еще больше вопросов. Солгать? При таком проницательном взгляде это будет тяжеловато. Недоговорить? Возможно, но часть правды все равно придется раскрыть. Хм... Точно. Главное это какая именно часть правды выйдет наружу, а какая сохранится при мне. Нет, нет, нет. Вся моя правда состояла в том, что он, предположительно, является Форсом. Черт!

– Знаешь, – вновь начал он говорить возмутительным голосом, – я вообще-то существую. О чем же ты теперь думаешь? Какие же мысли затаились в твоей голове? Что стало причиной твоего раздумья, и к чему ты в итоге пришел? Какая твоя конечная мысль, и есть ли она вообще?

Долгие рассуждения только усугубляют ситуацию.

– Я думал...

– О, ты наконец-то признал меня? Какая честь, не правда ли?

– Прости, мне трудно говорить.

– Что же? Что же стало причиной тому? И да, ты не ответил.

– Давай не все сразу. Мне трудно говорить, потому что мне плохо. Не знаю из-за чего, но, кажется, это происходит само по себе, без моего влияния. Пожалуй, на этом закончу.

– Как интересно. Знаешь, это начало с конца меня не очень-то радует. Ты решил, что можешь закрыть все вопросы одним ответом? Здесь это работает не так, совершенно не так. Ты, вообще, перепрыгнул всю систему и создал свою собственную. Этого не должно быть, совершенно не должно быть. Как ты думаешь, как правильно надо отвечать? У этого тоже есть свои каноны, и их нельзя нарушать лишь из-за твоего самочувствия. То, что внутри тебя должно оставаться внутри тебя. Или нет? Заметь, что вопросов стало еще больше, как я тебе и говорил. За тобой долг.

О нет, я делаю все хуже и хуже. На меня как будто свалили гору работы, которая уже пропахла стариной и до того мне чужда и не нужна, что я уже боюсь проронить даже слово. Я растерян.

– Я не помню всех вопросов.

– Помнишь. Хотя бы имей честь вспомнить.

– Раз так, то первый вопрос был таков: «Кто я?», и так как я не помню прошлого, то мой ответ будет достаточно примитивным, потому что я такой же человек, как все и чувствую я тоже, что и все, однако у меня есть малые мелочи,

которые, возможно, меня выделяют. Точно не знаю как у других, но у меня есть некоторые ощущения, которые помогают мне, когда я чего-то не знаю или в чем-то не уверен. Это словно какое-то предчувствие или ранее забытое убеждение, которое неосознанно проявляется. Я дорожу этим и следую этому, потому что это часть меня. Другая моя сторона это то, что я часто ухожу в свои мысли, но я не забываю о реальности, я смотрю на нее со стороны и анализирую, чтобы понять себя в ней и собеседника. Я думаю, прежде чем ответить, но иногда я забываю о времени, и это начинает выглядеть очень странно. А вот о чем я думаю, хотел оставить при себе, ведь ты сам сказал, что то, что внутри нас должно, оставаться внутри. Что же касается других вопросов, то они маловажны и маловлиятельны, потому что они вопросы-посредники. Они ни о чем, их невозможно расписать, так как за ними не кроется тайны, загадки, убеждения, противоречия и предостережения. Эти вопросы малы по своему характеру и значению. Часто их используют, чтобы превознести свое эго, отвлечь от чего-то или запутать отвечающего.

– Знаешь, я не ожидал от тебя такого, совсем не ожидал. Я даже не сомневался, что ты поступишь по моим задумкам, но ты... – он призадумался, словно оценивая правильность своих мыслей.

Потом он выставил передо мной указательный палец и сделал шаг назад и продолжал дальше уходить, при этом он был каким-то несобранным, неуверенным, но потом его ли-

цо стало выражать черты осмысленности. Он будто принял ту позицию, в которой ранее был не уверен.

После долгого молчания он все же произнес речь:

– А все же, мне понравилось. Понравились не твои слова, а твое отношение к ним. Они были произнесены с уважением к ним. Такой речью надо гордиться. Ты же горд ими...?

Услышав вопрос, во мне как будто что-то переключилось, будто появился новый язык, который хочет говорить и говорить, и я как-то неосознанно вмешался в его речь:

– Да, я горжусь ими. Если честно, я даже не знаю, почему так сказал. Я об этом, кажется, не думал даже.

Он окончательно остановился, услышав мой внезапный ответ. Его лицо смягчилось и расплзлось в подбитую у конца рта улыбку. Если бы я был менее внимательным, то я бы сказал, что она похожа на ту улыбку, которую показывают, когда за долгие дни беспощадных тренировок собака наконец-то послушалась хозяина и выполнила команду, но эта не та улыбка. Это та улыбка, которую показывают когда ты, сделав все правильно и расторопно, собака тебя поняла и послушалась. Можно подумать, что это схожие ситуации, но это совсем не так. Между ними стоит такая важная вещь, как взаимопонимание. Но я не собака, а он не дрессировщик. Мы люди с людскими чувствами, условиями, прихотями и потребностями, однако похоже все вплоть до второй ситуации.

– Правильно, ими надо гордиться, – после этих слов он

ненадолго останавливается, чтобы завершить улыбаться, тем самым как бы благодаря меня, и продолжает дальше. – В большей степени надо гордиться не сказанными словами, а своим мнением. Не у каждого оно есть, однако, не найдется человек с мнением, которое никогда не звучало среди народа или которое никогда не было в чьих-то мыслях. Мне интересно, как ты это понимаешь и согласен ли?

– Знаешь, твои мысли слишком глубоки...

– Поверь, они на поверхности.

– На поверхности дна?

– Для кого как, но суть не в том, где они, а чем они являются. Прошу, не уходи от темы, она важна. Из твоих нравственных понятий я познаю тебя. Это довольно интересно, не правда ли?

– Да, послушать чьи-то рассуждения бывает очень интересно, но если они и так всем открыты и давно разъяснены, то в этом нет смысла.

– Так давай же, разъясняй. Может, я услышу новое мнение, – последние слова он особенно выделил, потому что именно о новых или однотипных мнениях мне и придется толковать.

– Новое мнение о новых мнениях..., думаю, его нет, но сначала все по порядку. Что ж, конечно, есть общее мнение о каких-либо вещах или событиях, которым пользуется большинство людей, но надо всегда учитывать, что мнение не факт. Земля – по форме сплюснутый эллипсоид и это

факт. Если кто-то утверждает, что Земля плоская, то это глупость, а вот если кто-то утверждает, что на Земле живут глупые люди, то это уже является мнением, потому что это не факт и не закон, при котором каждый должен точно сказать, что на Земле живут глупые люди. . .

И тут я был повергнут в шок от своих же слов. Я отчасти следил за тем, что я говорю, но на последней фразе я точно опомнился. Моему удивлению и даже некоторому опасливому страху не было предела из-за моих же знаний. Я сказал все правильно, но я сказал то, что до этого не знал: о Земле и живущих там людях. Никогда в мою голову с начала пребывания здесь не приходила эта мысль, и нет, она не скрывалась в моей памяти, я просто не знал такого или забыл.

– Что-то не так? Ты выглядишь встревоженно. О чем ты думаешь? Что произошло? Какие слова тебя повергли в шок? Откройся мне, доверься, я не погублю тебя, поверь.

А мне и вправду стало легче на душе после его слов. Я хотел ему открыться, рассказать свою правду, но какая-то часть меня насильно уговаривала оставить все в себе и при себе, но она слабела при его несносном взгляде. Им он пытался выдать из меня мысли, которые меня подавляют, но на удивление, я не поддавался ему. Я чувствовал, как происходит взаимообмен. Он забирал у меня нерешительности, но мой разум каким-то образом вырабатывал новую дозу уверенности, которая при этом еще и возрастала в преимуществе. В итоге, я был непоколебим, а мое убеждение

держат этот момент о новых знаниях в секрете только усиливалось.

– То, что во мне, должно оставаться во мне, – такими словами отрезал я наши взгляды.

После сказанного я с гордым видом прошел вперед, слегка задев его плечо. Я сделал это специально, намеренно, и краем взгляда я видел, что моему собеседнику это не то чтобы не понравилось, напротив, в нем словно проснулась новая жажда познания меня. Я будто раззадорил его пылкие, огненные от интереса глаза. В какой-то степени меня это смутило, но я все так же пытался оставаться с непроницаемым железным стержнем..., который достался мне от предыдущего собеседника. После этого размышления меня это еще жестче смутило, но я не хотел падать перед ним. Трещины пошли, я подкошен, но то, что во мне, должно оставаться во мне.

Кажется, я открыл новую сторону этого значения. Теперь в моем сознании стоит образ того самого малого мальчика, с нарисованными вещами, которые отбрасывали тень воспоминаний и реальности. Эта оголенность должна была остаться при нем, в нем, но я вмешался, разрушил, переломал все, что мог и оголил его душу. Внутренний образ слаб, ничтожен, и потому мы покрыты множеством лжи. Если бы все люди не были покрыты этой вязкой, гнилой, неестественной, но твердой ложью, то вряд ли люди смогли бы прожить хоть день, потому что их убьют внешние факторы и другие люди

с оголенной душой. Не раскроюсь я перед ним ни за что!

Внезапно в моей организации возникло неконтролируемое желание обернуться и увидеть действия и образ его после моих слов. Мною движило чувство интереса, и оно вызывало у меня даже некоторые галлюцинации – я вижу себя со стороны и вижу, как я быстро поворачиваю голову, а за ней, словно неестественно, поворачивается все тело, и впоследствии я вижу пустую тьму. Позади меня ничего нет. Почему? Потому что я не знаю что позади меня. Эта секундная галлюцинация повторяется сотни раз, и она будет повторяться дальше до того момента, пока я не овладею пустотой. Теперь я понимаю его, потому что я понял, что интерес – самое движимое чувство. Другие чувства тоже могут нас сподвигнуть сделать что-то, но именно интерес, по сравнению с другими, нейтрален и с непредсказуемыми последствиями – это делает его особенным. Я не имел права воспротивиться этому, но я дал себе обещание, что это не затянется надолго, и я не оголюсь пред ним.

Что ж, я поворачиваю голову, в то время как мое тело остается неподвижным. Я вижу то, что, в принципе, можно было ожидать и что никак не повлияло бы на мое отношение к нему. Краем глаза я вижу, как он, сгорбившись, приподняв руки и с тяжестью тянув ко мне пальцы, как старая ведьма, медленно и таинственно передвигается с одной ноги на другую, причем его взгляд становится более пылким и безумным, как и следовало ожидать. Я понимаю, сопротивление

только усугубит положение, но иногда именно в этом можно найти спасение. Итак, я многое понял, но надо вернуться к тому, что я еще не познал.

Еще много неразрешенного осталось, в которое, я чувствую, вскоре снова пушусь в раздумья. Вскоре всплывут все эти незаконченные темы, но сначала то, что я не успел воспринять – мое окружение. Это настолько важно, что я виню себя за то, что сначала не обратил на это внимание. Это неполная истина некоторых лиц. Какая бы она не была – скучная, разъяренная, острая, безоблачная, непредсказуемая, властная или непролазная – все равно это защита от внешних воздействий и людей, которая отчасти показывает их внутренний мир. Я могу повторять тысячу раз, что окружение важно, но какой в этом смысл, если меня не услышат? Мои мысли ясны, видны, слышны, но зачем они будут здесь, если их никто не воспримет? Опять же я ушел от темы, но в этом не состоит моя беда, если мысли благородны и важны. Отступления важны, ибо, если бы не они, то не было б на свете мелких знаний или вопросов, в которые если вникнуть составят вам целый мир, за которым следует другое отступление с еще более мелким миром и т. д. Что-то я увлекся. Иногда полезно подумать, но если только есть чем. Думать нужно всем, но не каждому стоит порицать обдуманное кем-то. Опять не в ту область. Интересно, я сказал ему об этой моей черте? Кажется, нет, но это не так важно на данный момент.

Гордо приподняв голову, я осматриваюсь, словно это все мои владения. Я делаю шагов вперед, чтобы рассмотреть увиденное с разных ракурсов, потому что это что-то совершенно новое и невероятное. Не знаю, как такое обозвать. Я вижу людей, однако я не уверен в этом. Это какие-то неестественные создания, состоящие из одной лишь неполной линии. Я точно понимаю, что эти голубые, почти прозрачные линии, очертания человеческого тела. Линия, четко начиная с головы, плавно исчезает в области ног, так и не доходя до пола. До пола? Вряд ли белое бесформенное пространство имеет грани, однако, я стою на чем-то определенно твердом. Пространство здесь, можно сказать, бесконечное, но какой в этом смысл, если оно почти пусто? Это все равно, что бессмертный человек, не имеющий никаких моральных ценностей, своего мнения, рассудка, предпочтений и убеждений.

Итак, эти неполные силуэты людей меня напрягают настолько, что я забываю о своей гордости. Я поддался внутренним чувствам и чуть не позабыл о внешнем чувстве высокомерия. Я понимаю, что это место намного величественней меня, лишь потому, что оно мне не знакомо. Когда я наклоняюсь рассматривать силуэты, меня, словно порывом ветра, насильно приподнимает и встряхивает.

В это время я чувствую на себе его взгляд, и я понимаю, что мои движения не прошли незамеченными. Все, что я сейчас совершил, он увидел, но вот понял ли он? Конечно, это моя ошибка, которую в дальнейшем не стоит допус-

кать. Но это опять-таки отступление и не моя это вина. Мои мысли не однотонны и часто они заходят туда, куда не стоит в данный момент. Скажу так: не все сходится на главном.

Вернемся. Я упустил одну важную деталь: не всегда существуют силуэты, но и не то, чтобы они исчезали по своей воле. Я рассмотрел один из них и понял, что при определенном ракурсе они исчезают. Эта линия настолько тонка по бокам, что ее почти не существует. Это задевает мои опасения. Какой-то страх порождают они во мне. Страх перед осознанием реальности. А реальность ли это? Вдруг здесь будет так же, как и было с предыдущем мире? Вдруг, они не реальны? Не раздумывая, я поднимаю руку и останавливаюсь вблизи линии, ибо во мне заиграло чувство опасения перед неизведанным. Впрочем, не так уж она страшна и неизведанна. Линия пуста, однако, не надо здесь доверять внешним признакам. Иногда, они сугубо обманчивы.

И все же я дотрагиваюсь да нее. Нежно и нерешительно мои руки касаются линии. По внешнему виду и прошлому моему опыту не трудно догадаться, что они прошли сквозь линии, но все же кое-что я уловил. Я не могу сказать, что я ничего не почувствовал внутри себя. Органика линии для меня прошла бесследно, а вот на психологическом уровне, т. е. внутри себя, я словно ощутил чью-то померкшую, увядшую душу, которая уже не пригодна для использования, потому что в ней ничего не осталось. Я даже «душой» это затрудняюсь назвать, но явно что-то еле живое улавливалось.

Если все-таки называть это «душой», то она та, из которой выжали все прошлое и даже настоящее. Пусть для меня это будет некогда живший человек, но даже если это так, то как он стал таким, каким является сейчас? Да и не только с ним, а со всеми здешними душами. Во мне вспыхнуло желание «пройтись» по всем линиям, несмотря на мое ужаснейшее состояние, которое с каждым разом все ухудшается в неблагоприятную для меня сторону. И все же, я совершаю задуманное и в каждом, к кому я прикоснулся, ощутил то же самое, что в первом.

Я уже отошел далеко от единственного здесь живого человека, кроме меня, но не настолько чтобы не чувствовать на себе его влияние... Надо бы дать ему имя, как и предыдущему. Не буду даже заморачиваться. Пусть будет Саймоном.

Так вот, я оборачиваюсь и хочу уже задать вопрос, тревожащий мое сердце, но моя потребность в этом сразу отпала, как только я увидел Саймона, который придерживался повадок животных в этот момент. Под его укоризненным и прожигающим плоть взглядом я не решился, потому что понял, что он к этому причастен.

Это его пространство, которое он подчинил, и это его души, которые он опустошил. Я хочу уже убежать от него, потому что понимаю, как бы это примитивно не звучало, что у меня тоже есть душа.

Он, сгорбившись, подходит ко мне, а я даже не могу двинуться с места. И вот я, подавленный физическим состоя-

нием, и Саймон, внешне подавленный, но внутренне вспыхнувший от моих действий, приближаемся друг к другу, как друзья, скрывающие вражду, но знающие о ней. Его худощавое тело с уверенными и расторопными движениями рук, напоминающие отчасти что-то старческое и таинственное, уже приближаются ко мне. Если бы я не ощущал, что это человек, то назвал бы его каким-нибудь гоблином. Ну вот и новое воспоминание, которое всплыло наружу из забвения. Возможно, если я так же буду рассуждать о себе или о ком-нибудь другом, то вскоре что-нибудь да вспомню, однако, не всем моим предположениям надо доверять и следовать, но почему-то я все равно их придерживаюсь, несмотря на то, какими они являются.

– Не бойся, – внезапно и оживленно произнес Саймон, при этом резко встряхнув головой и протянув руки к моему лицу.

Я встрепенулся, но не отвернулся, а с ужасом смотрел на это. Он хочет утешить меня? Это выглядит немного жалко с его стороны, но все же я поддался и пожалел об этом. Хоть он и был маленького роста, но без проблем достал рукой до моей щеки. Он небрежно и легко дотрагивается кончиками сухих, дряблых рук с острыми ногтями, которые неприятно скребут мне кожу. Мне даже кажется, что он состарился, но, приглядевшись, я осознаю, что это совсем не так. На удивление, внешне он оставался таким же молодым, как и раньше, но только теперь я четко вижу его худобу. У него

выпирают кости во всех местах, словно ему чего-то не хватает. Я бы даже назвал его скелетом, но его внутренняя жизнь пылает. Теперь я четко понимаю, что он голоден, но он хочет не еды, а чего-то совершенно иного и даже, я бы сказал, чего-то инородного и неосязаемого, и это «что-то» связано сугубо со мной.

Он громко выдыхает и вдыхает, словно ему что-то мешает это делать или словно ему под девяносто лет, и, наконец, начинает говорить, при этом, не убирая свою руку:

– Не беспокойся ни о чем, ведь зачем тревожить свой организм? Не бойся, ибо нечего бояться. Не тревожься, потому что ничто не смеет побеспокоить тебя. Не стоит паниковать, дальше тебя ждет только счастье и спокойствие. Эй, улыбнись и выдохни с открытой душой. Не стоит поникать. Все, что ты лицезришь здесь не касается тебя, поэтому не стоит пытаться понять все. Зачем тебе испытывать внутренний дискомфорт? Зачем мыслить неправильно и обвинять кого-то в не содеянном? Что заставляет тебя браться за неизведанное? Зачем же путаться в нитях разума, если можно их вообще не создавать? И даже если это происходит невольно, то не стоит поддаваться этому и усиливать это. Ведь что такое тревога? Так, лишь невзрачный пустяк, который мы возносим до небес и который мы обращаем в ценность. Тебе не нужен хаос в чувствах. Они до ужаса громадны, и поэтому они вызывают в нас больше оживления и жизни, чем привычные для нас чувства. Мы живем с помощью них. Не бес-

покойся ни о чем.

И знаете что? Я верю ему и последую за его словами. Его голос звучал уж слишком убедительно, чтобы воспротивиться ему. Казалось, он вложил душу в слова, отдался полностью без погрешностей, завоевал мой разум и растопил его в своих убеждениях. Его глаза, которые залезли в самые потайные уголки моего внутреннего мира, истребили мое украденное чувство высокомерия. На самом деле, это приятное чувство. Я словно защищен от себя самого его словами. Он словно рассек нескольких моих сторон, отложив одну из них в сон, а другую возвысил в своем значении. Возможно ли такое? Скорее всего, да, но только ли в этом мире?

– А ты изменил меня, – как нарочно выплюнул я это.

– Но не в этом состоит мое утешение. Не все сойдется на этих словах. Все еще только впереди.

Он развернулся и, пошатываясь, пошел вперед на то же место, где изначально мы встретились и я, позабыв о своем состоянии, как прирученный, пошел вслед за ним. Медленно перебирая ногами, он что-то шепотом говорил, но я мало что уловил из его слов. даже то, что услышал, составляют неясные и вырванные из смысла слова, которые не дают мне ровно ничего. Он остановился. Это место, на котором мы сошлись, по праву можно назвать центром этого мира, потому что в нем больше пространства без человеческих линий. Они там не сошлись. Можно сказать, что этот малый круг окружен линиями, которые разбросаны в определенном

порядке. Кажется, а может так и на самом деле, что они находятся на равном расстоянии друг от друга, словно в шахматном порядке.

– Присаживайся, – любезно проговорил он хриплым голосом.

Рукой он показывал на пол, и это меня поначалу слегка смутило, но потом резкая, пронзающая боль в животе заставила меня упасть на пол с жалким внутренним криком. Он в это время спокойно сел и пристально глядел на мои страдания.

С новой силой во мне просыпается тошнота, но в этот раз с невероятно острыми и чувствительными позывами. Но после нескольких минут я понимаю, что это лишь обман моего организма, но он настолько тонок и реален, что я иной раз мне хочется поддаться соблазну организма. Несколько раз это приводило меня в замешательство, а иной раз и вовсе в панику.

Так я унижался перед Саймоном, который преспокойно сидел напротив меня и наблюдал за мной. Изначально я не обращал на него внимания, но его слова заставили меня невольно прибегнуть к сарказму.

– Тебе плохо? Ты болен? – невозмутимо проговорил он.

– Конечно нет, что ты! Да о каком плохом самочувствии может идти речь? Смотри, как с улыбкой я корчусь от боли. Да я же счастлив!

– Мазохист что ли? – вполне серьезно нашептывая, гово-

рил он, а потом хмыкнул в неизвестном для меня значении.

После того, как мое лицо выразило удивление, он понял, к чему я изначально клонил и вновь многозначно хмыкнул.

– И все же, вопрос остался без ответа, а ты уже знаешь здешние правила.

А вот это меня ужасно возмущает и возвращает к недавнему прошлому. Все слова Форса разом пробежались в моем разуме, как дальние ноты в песне, вызывая меня взглянуть на истинное лицо Саймона без навязанных излишеств. Причиной моего неповиновения стали главные слова, которые, возможно, он произнес непроизвольно: «Здесь правила». Что ж, это была и ошибка, и некоторое спасение для меня. Казалось бы, эти слова уже несколько раз звучали в его или моей речи, но разве я придавал им значение? Нет, а зря! Это должно обязано подвергнуться обсуждению, иначе все останется на своих местах, а такая расстановка событий мне не слишком-то нравится. В нашей «позиционной войне» что-то идет не так, словно мы оба заняли не те позиции, совершенно не те, но что нам мешает перестроиться? Незнание или нерешимость? Подчинение или бдительность? Вопросы или ответы? Я полон этим всем и поэтому утопаю в неразрешенных вопросах, которые звучали только в моем сознании. И вновь погружаюсь я в тревогу и предостережение, при этом понимая полные краски приятных чувств. Не познав – не узнаешь.

Вернусь к изначальному. Что же за...

– Эй, парень, ты не там! – воскликнул в нетерпении Саймон, которому, по-видимому, надоела бессвязная тишина с моим изменчивым и молчаливым лицом. – Знаешь, а я ведь выжидаю время, когда ты задумаешься, ибо хочу, чтоб в твоей голове были хоть какие-то мысли, чтобы в дальнейшем я мог спросить: «О чем ты думаешь и думал?». В расстановке времени это важно, а еще важнее твой ответ, который обязательно должен подробно прозвучать в этой мертвой тишине. Мало что утаится от меня. Итак, интересная личность, о чем же ты думал?

И все же, мне хочется произнести мои мысли вслух, но не те, которые были, а те, которые будут. Я словно продолжу думать, переложив мысли на слова.

– Здешние правила – это слова, которые прозвучали обдуманно, а может, и нет, но которые важны для меня. Они почему-то слишком грубы и настолько почему-то естественны для меня, что это меня самого приводит в недоумение. Правила, законы, обычаи, порядки, принципы, утверждения и каноны по каким принципам строятся для двух человек? Это несправедливо...

– Нет, нет, нет, – перебил он меня, – закон был изначально, и ты не предшественник его. Сколько бы интересных личностей здесь не было, закон был и будет всегда. И не для двух людей, а только для себя я сам его воздвиг, как некую нравственную ценность. Истинно, закон присущ только мне, но при этом он един для всех личностей. Как? Все просто,

если разобраться и понять мои понятия, но не я буду это объяснять, а ты, потому что иначе было бы слишком справедливо, а как ты уже знаешь, справедливости нет и не будет во веки веков.

– Ну почему же, справедливость вполне возможна, если... – и тут мне стало ужасно плохо, оттого я не смог продолжить свою речь, но мне кажется, что я бы и так ее не закончил, ибо уже на последнем моем вздохе Саймон пустился в противоречие.

– Нет! – отрезал он, – каждый человек разный, у каждого свои приоритеты, убеждения, нравственные ценности, мысли, правила, предостережения и потребности, и поэтому справедливость будет лишь тогда, когда все будут едины абсолютно во всем, но этому не бывать. Пока каждый будет видеть свою сторону, тогда никогда не установится справедливость между каждым. Прошу, не надо меня упрекать, я же прав.

– У каждого свое мнение.

– Вот! Видишь! Покуда у нас разные мнения, мы не достигнем справедливости. Знаешь, кто мне это сказал...?

– Нет, – с трудом выговорил я.

– Здесь когда-то был один старик, и это он мне поведал. Знаешь, он был довольно умен и интересен. Он мне понравился, вот только не знаю его имени, впрочем, как и других здесь бывавших. Имена не интересны. Никакого смысла они не несут. Они скучны и безлики. Но разве изначальная тема

была об этом?

– Вообще, изначальной темой был сам я.

– Ох, как же с тобой трудно! Знаешь, твои предшественники были не такими. За ними не оставалось неразрешенных вопросов. Они были умны и тактичны, поэтому образумься.

– Если они были, то где они сейчас? – незаметно себе я задал этот вопрос с беззвучной тревогой, но он все же услышал и словно ненароком ответил.

– Кто где, кто как, но всех одна участь постигла. Никто не сошел с моего водоворота событий, но не будем о грустном. Затмим эту тему другой темой, более интересной. Много осталось неотвеченного, а это категорично плохой показатель.

– Но я не помню всех вопросов.

– Не беспокойся, я помню их всех. Начнем с самого начала.

– Но мне плохо! – с жалостью протянул я.

– Это не оправдание. По крайней мере, для меня. Ты уже поведал мне о своем состоянии и что в итоге?

– Ничего.

– Скорее насмешка, чем ничто.

– Какое же долгое начало! Я думал, это будет чуть быстрее, но нет, тебе надо все комментировать.

– Комментарии важны.

– Но не все сходится к ним! – от непонимания взревел я и протяжно простонал.

– Не всегда, – настаивал он все на своем.

– Так! Все! Хватит терять время на бессмысленные слова!

Давай так: я отвечу на твои вопросы и буду свободен.

– Звучит самоотверженно.

– Что ж, – продолжил он после того, как не услышал ни одного моего комментария к его словам и увидел мое раздраженное лицо, – Поступим так: ты ответишь, а дальше посмотрим что будет. Ничего не обещаю, все зависит от тебя. Начнем. Первый неотвеченный вопрос был таков: «Кто ты?»

– Я ответил!

– А дополнений к ответу не появилось?

– Нет! И к другим ответам тоже дополнение не появилось.

Ответ есть ответ и не стоит его менять со временем.

– Что ж, хорошо. Главные или вспомогательные вопросы?

– Исключительно главные. Не стоит терять времени.

– А как же вспомогательные? Ты обижаешь меня.

И тут я больше не выдержал этого, казалось бы, милого голоса. Даже Форс меня так не раздражал, потому что не тянул времени, а четко все разъяснял. Я так свирепо крикнул на него, что он испугался такой неожиданности и сразу же присмирел. За секунду его глаза поменяли свое значение. Теперь они не выражали таинственность, не завораживали, не вымогали мои тайны, не смотрели с прожигающим интересом в них, а выражали что-то близкое к страху и даже после моих слов смотрели не в мою сторону, а внутрь себя. Да, можно посмотреть внутрь себя, но там не увидишь ничего,

кроме своей души, которая не имеет формы и имени, а лишь нескончаемый поток мыслей, а иногда, возможно, даже мыслей не будет. Иногда, сделав так случайно или специально, ничего не удастся увидеть, но это не от того, что некоторые пусты, а потому что каждый наполнен чем-то по-своему важным и скрытым, и не всегда удастся это увидеть. Так же и сейчас. Я могу лишь предположить, что внутри него, но я уверен, что мое предположение будет верно, потому что посмотрев на ситуацию и на его реакцию можно легко догадаться: он осмысливает, осматривает и понимает себя, но, конечно, не всего себя, а лишь того, кем был несколько секунд назад.

Обычно, чувствуя другого человека рядом с собой, это состояние недолго продолжается и он тому подтверждение. Недолго он пробыл внутри себя, но уверен, что он все осмыслил. Мой укоряющий крик был гранью, после которой следует понимание, важное в этой ситуации.

Что ж, как по щелчку, вышел он из задумчивого состояния и сразу задал вопрос:

– В большей степени надо гордиться не сказанными словами, а своим мнением. Не у каждого оно есть, однако, не найдется человек с мнением, которое никогда не звучало среди народа или которое никогда не было в чьих-то мыслях. Мне интересно, как ты это понимаешь и согласен ли?

– Как же быстро ты в точности вспомнил эти слова.

– Не стоит терять времени. Отвечай!

– Я тоже помню свои слова и это «новое мнение о новых мнениях». Не знаю, с какой стороны это интересно, но...

– Поверь, интересно все абсолютно до крайностей, если умеешь находить в этом смысл и свою выгоду.

– Кажется, у тебя зависимость.

– А тебе интересно это обсуждать? Ты нашел в этом свою выгоду и смысл?

– Можно сказать и так.

– Так-так, вопрос все еще висит над тобой. Теперь уже ты отходишь от темы, но зачем? О, не отвечай, а просто признайся, что тебе интересно.

– Не особо-то мне это интересно. Я просто подтвердил свое мнение, а не поинтересовался, зависим ли ты или нет. И все же, я не хочу знать твой ответ, потому что для себя я его уже нашел. Не будем терять времени.

– А ты настойчив.

– Скорее нетерпелив.

– И куда же ты торопишься?

– Не знаю, но что-то явно движет мною, словно идет какой-то поток времени и я должен ему следовать.

На самом деле, я хочу просто сбежать отсюда. Неприятное это место, словно с ним что-то уж совсем не так, или это последствия от Форса? Не знаю... В моей речи часто стало повторяться это слово и я хочу заполнить пробелы хоть какой-нибудь информацией. Вот это мне интересно, но не постижимо... А все же, Саймон в чем-то прав, впрочем, Форс

тоже был в чем-то прав.

– Иногда остановки важны, – продолжил Саймон.

– Иногда. Знаешь, а ведь ты сам уходишь от темы.

– Знаешь, – словно передразнивая меня начал говорить он, – со всеми нашими разговорами и отступлениями мне уже разонравился этот вопрос. Он утратил свой интерес, однако, он сам был не столько важен, как твое личное мнение и мышления, которое я познал в наших отступлениях. Но есть еще один вопрос, на который невозможно ответить среди разговора и на который мне нужно желательно детальный ответ. Он звучит так: «О чем ты думаешь?».

А это и вправду интересный вопрос. Мне бы тоже были бы интересны его мысли, если бы он о чем-нибудь задумывался, но так как он обращен ко мне, это не очень-то выгодно.

Я не знаю, что ответить. Некоторые мысли я даже не помню... Так, если я буду слишком долго обдумывать ответ, это вызовет подозрения и еще лишние вопросы.

– Я обдумываю ситуацию, чтобы не сгруппить при ответе. Мне важно все продумать до мелочи, иначе я могу совершить ошибку.

– Какую ошибку?

– Например, сказать что-то не то или понять что-то не так.

– А если ты не будешь думать? Только не говори, что это физически невозможно.

– Не обдумывать что-либо вполне возможно, если внешние факторы превосходят внутренние.

– Или?

– Или если человек слишком увлечен.

– Обо мне ты тоже думаешь?

– Конечно, только прошу, не проси меня рассказывать, какие мысли были у меня о тебе.

– Мне все равно на твои упреки...

– Неужто... – ненароком прервал я его.

– Так, какие же мысли были у тебя обо мне?

– Довольно разные.

– Скучный ответ, – после некоторого молчания сказал он.

– Я не могу ответить, потому что, точно, каждую мысль не помню. Размышления у меня только на несколько минут, так, чтобы осознать ситуацию в данный момент, а не для того, чтобы их запоминать и объяснять тебе. Объяснение мыслей – это неправильно.

– Хорошо, – благосклонно произнес он, словно отошел ненадолго от своей зависимости. – Возможно, ты прав, но помимо мыслей, есть также отношение к человеку. Вероятно, ты его даже не обдумывал, но где-то на подсознательном уровне у тебя все-таки создался мой образ, и твое отношение ко мне. И теперь новый вопрос, который по смыслу напоминает предыдущий, но на который надо искать ответ не в мыслях, а в самом себе: «Как ты относишься ко мне?».

– А ты не так прост. И все же, я могу ответить, но прости меня, если я не смогу раскопать в тебе все тайны.

– Хотя бы попытайся.

– Но я не могу понять, зачем тебе это. Ты же все знаешь о себе, даже больше чем я.

– Мне важнее твое отношение ко мне. Поверь, это важно каждому человеку и, в частности, чтобы самоопределиться, а мне это важно, чтобы понять, как относиться к тебе.

– Относись ко мне так же, как сейчас. Не думаю, что что-то изменится.

– Это ты так считаешь.

– Но...

– Прошу, не уходи от вопроса. Ты же знаешь, что тебе от него не сбежать. Какими бы отсылками, ты не пользовался, тебе все равно придется отвечать, и именно этот вопрос не утратит своей остроты, потому что там замешан я. Отвечай немедленно, иначе я буду относиться к тебе не так благосклонно.

– Мне надо подумать.

– Подумать, как меня обмануть?

– Поверь, я не привык обманывать.

– А если эти слова и есть обман?

– Тогда верь мне на слово.

– Верить человеку, не зная его, опасно, не так ли?

– Иногда, первое впечатление достовернее дальнейших.

– Поверь, первое впечатление обманчиво. Впрочем, как и все остальные, если не знать человека.

– Иногда, если узнать человека полностью, можно разочароваться в нем или ужаснуться.

– Лучше так, чем незнание и недоверие, не так ли?

– Вряд ли. Голая душа ужасна.

– Меня это не пугает. Пугать это должно носителя души, а мне это наоборот на руку. Но ты опять уходишь от вопроса.

– Но ты сам заставляешь меня это сделать.

– А ты не должен мне поддаваться!

– Я не могу это сделать, ведь ты задаешь вопросы, на которые я обязан ответить!

– Так отвечай сейчас!

Настала долгая и затяжная пауза. Нам просто нужна передышка, которой мы оба пользуемся, чтобы перевести свои голоса на другой манер, потому что они зашли слишком далеко. Я утешаю свой пыл, а вот насчет него не уверен. Он не может успокоиться. Его грудь неравномерно поднимается, а глаза не закрываются. В них заметны малые просветы безумия.

– Отвечай! – громко, словно сорвавшись, крикнул он, и впервые я услышал протяжное эхо в этом месте. Я точно уверен, что оно отзывается здесь, в этом скверном месте.

Саймон неожиданно и быстро уперся руками в меня так, что его лицо находилось в нескольких миллиметрах от моего. Потом он начинает говорить тихо, еле слышно, будто задыхаясь от интереса:

– Кто я?

– Ты тот, кому интересно, – впрочем, ничего больше я не мог сказать.

– Я и так это знаю и даже не скрываю это, – отдалившись от меня проговорил он. – Мне нужны немного другие открытия. Мне нужны мелочи, которые скрыты в потаенных углах от меня так, что я их даже не замечаю или вижу их совершенно не так.

– Я слишком мало тебя знаю, чтобы рассказать о таком. Это неправильно.

– Хотя бы что-то. Ну же! – взвыл он, невольно поднимая руки вверх, тревожно опуская и держа их в напряжении вблизи моего лица.

– Хорошо, – от безвыходности согласился я. – Одну мелочь я могу сказать, а возможно, даже две. Во-первых, это твои глаза, которые смотрят слишком пристально для обычных. Они переполнены самым движимым чувством: чувством интереса. Ты мало моргаешь, потому что твой взгляд уж слишком заинтересован мною. Твои глаза, словно насильно выковыривают из меня ответ, не давая мне покоя. Они будто мертвы, они надеются найти то, что оживит их. Во-вторых, это твои руки, которые словно живут своей жизнью, но, все же, не следуют своему мотиву. Они не подчинены, тревожны и всегда напряжены, будто каждое движение последнее. Знаешь, иногда, когда мы, люди, пытаемся что-то сделать слишком быстрее, чем предполагается, мы делаем это резко и даже многое неосознанно, лишь бы сократить время работы. А, если перед концом увидели ошибку, то тут же молниеносно исправляем ее трясущимися руками, которые

делают все не под нашим контролем, а под влиянием мышечной памяти. И вот, когда все сделано, мы будто от огня убираем свои руки, чтобы осознать проделанную работу и отдохнуть, в то время как наши руки еще нервно трясутся. А самое гнусное это то, что если бы мы проделали эту работу обычно, то затратили бы столько же времени, как если бы сделали ее молниеносно.

– Да, я понял тебя, – скудно произнес он с таким неприкрытым секундным напряжением, а потом его глаза поникли в печали, но после глубокого вдоха они вновь приобрели те же краски, которые слегка, почти незаметно потускнели. Это все продолжалось не больше минуты. Кстати, это еще одна его особенность, которую я только сейчас осознал, а именно, это секундные перемены в нем, которые довольно сложны, если не быть таким внимательным как я. Вообще, эти изменения существенно показывают его характер как нечто скрытое и непроницаемое. Когда удастся вызвать перелом в его лице, тогда я доволен собой, тогда во мне вновь пробуждается чувство высокомерия, которое восполняет мои «низкие» чувства пред ним и от которого я не желаю избавляться, потому что уж слишком оно ласкает мне душу. А самое скверное то, что мое чувство пропадает вместе с его чувством, и тогда мы вновь возвращаемся на прежние позиции.

– А теперь, – вновь слишком чувственно заговорил он и приблизился ко мне, – расскажи о себе. Мне катастрофически мало той информации. Может, ты расскажешь о своих

внешних мелочах, как говорил о моих?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.